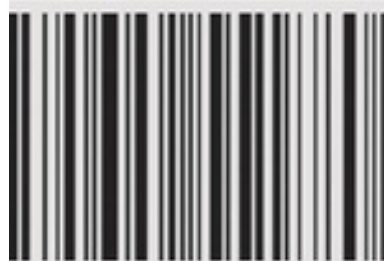

Детектив & Путешествие

СВАДЬБА ПО-АНГЛИЙСКИ

ЮЛИЯ
АЛЕЙНИКОВА

Детектив-Путешествие

Юлия Алейникова

Свадьба по-английски

«ЭКСМО»

2012

Алейникова Ю. В.

Свадьба по-английски / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2012 — (Детектив-Путешествие)

Посетить далекий туманный Альбион, насладиться красотами Девоншира и Йоркшира, погостить в самом настоящем замке с привидениями и помочь любимой дочке с приятными предсвадебными хлопотами – об этом мечтала на пути в Великобританию чета Ползуновых. Но новоиспеченная невеста Вероника, собиравшаяся замуж за потомка настоящих английских лордов, внезапно оказалась за решеткой – и это практически за неделю до свадьбы. Веронику обнаружили над трупом несостоявшейся свекрови, маркизы Хантли, а под ногами у девушки валялось орудие убийства – обычная садовая тляпка. Чем же могла еще до свадьбы так насолить будущая родственница? Но Веронике не стоит переживать – ее родители могут составить конкуренцию самой Агате Кристи в деле расследования преступлений, и это "чисто английское" убийство рано или поздно дрогнет под натиском "чисто русской" смекалки и догадливости.

© Алейникова Ю. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Действующие лица:	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юлия Алейникова

Свадьба по-английски

Действующие лица:

Василий Никанорович Ползунов, очень состоятельный российский бизнесмен.

Юлия Павловна Ползунова, его супруга.

Маруся, их дочь.

Вероника Осокина, дочь Юлии от первого брака.

Денис Осокин, сын Юлии от первого брака.

Джордж Гордон, маркиз Хантли, жених Вероники.

Эстер Гордон, маркиза Хантли, его мать.

Кэролайн Ньюпорт, графиня Бредфорд, сестра маркизы Хантли.

Ричард Ньюпорт, граф Бредфорд, ее муж.

Чарльз Ньюпорт, виконт Ирвин, их сын.

Эвелин Ньюпорт, их дочь.

Джеймс Портланд, ее жених.

Леди Марджори, герцогиня Оркни, подруга детства маркиза Хантли.

Бани, баронесса Сент-Джон оф Безинг.

Джон Кавендиш, университетский друг Вероники.

Детектив инспектор Бакер.

Детектив старший инспектор Гейтс.

Слуги в замке маркиза Хантли:

Мисс Лесли Пейн, экономка.

Джейкоб Хейли, садовник.

Альфред Смит, конюх.

Грейс Сондерс, секретарша маркизы Хантли.

Сара Хокинз, кухарка.

Эмили Шорт, горничная.

Ребекка Сайке, горничная.

А также лакеи, полицейские чины, адвокаты и прочие лица.

Пролог

– Мисс Осокина, вам придется проехать с нами, – холодным равнодушным голосом заключил инспектор.

Он кивнул находившемуся тут же констеблю, и тот вежливо, но твердо подхватил Веронику под локоть и повел к дверям.

Их шаги гулко отдались эхом под древними высокими сводами холла.

Дверца полицейской машины раскрылась перед девушкой словно дверь преисподней.

Тюрьма? Арест? Да нет! Все это лишь кошмарная ошибка, сейчас все разрешится. Сейчас они принесут свои извинения, и все закончится.

Веронику осторожно подтолкнули к машине. Она отчаянно оглянулась на дом и увидела в окне гостиной бледное, растерянное лицо Джорджа.

Глава 1

2 мая. Любовь, любовь

– Мам! Я выхожу замуж! За английского маркиза! – вопила в трубку Вероника, не будучи в силах справиться с душившими ее эмоциями, представляя себе, как обалдеют родственники. – Его зовут Джордж Гордон, маркиз Хантли! Ты только представь себе, после свадьбы я стану леди Хантли! А прислуга и люди в обществе будут обращаться ко мне «миледи»! Круто?

– Поздравляю, – сухо ответила Юлия.

Сама она недавно вышла замуж за потомка старинного купеческого рода Василия Никаноровича Ползунова. Не очень молодого, не очень красивого, зато жутко богатого и в общем-то обаятельного, славного, доброго дядьку. Вероника с Василием сразу же подружились, и она полюбила его как родного, впрочем, как и Динька. Динька – родной Никин младший братец Денис. Он сейчас, так же как и сестра, учится в Англии, в университете. Учебу их оплачивает, естественно, Василий. Учатся дети в разных вузах, но видятся часто.

Денис, например, воспринял новость о предстоящем бракосочетании сестры гораздо оптимистичнее. Он сжал Веронику в крепких братских объятиях, поскольку вымахал почти вдвое выше ростом, и радостно поделился:

– Ну, теперь все девицы на мне виснуть будут! Как-никак родственник английских маркизов, почти сам маркиз!

Юлия сейчас проживает во Франции, у них с Василием недавно родилась дочь, Маруська, и поскольку обезумевший от счастья отец наотрез отказался нанимать няньку, вся семья в полном составе, а это десять человек народу, практически поселилась в Ницце, чтобы помочь с новорожденной. Но недавно он образумился, и теперь в их доме на берегу бухты Ангелов поселилась настоящая английская няня, да еще и со знанием русского языка, поскольку ни Юлия, ни Василий английским в совершенстве не владеют. Где Василий раздобыл такое чудо и во что ему это обошлось – тайна, покрытая мраком.

Сам Василий мотается между Ниццей и Россией, грозясь бросить все дела и уйти на пенсию. Пока в голове у Ники пронеслись все воспоминания о последних ярких событиях, случившихся в их семействе, Юлия передала Маруську няне и наконец полностью переключилась на старшую дочь.

– Детка, а кроме того, что он маркиз, у него еще есть достоинства? – спросила она, стараясь справиться с первоначальным шоком, вызванным не тем, что жених оказался маркизом, а самим фактом его появления.

– Мусь, ну конечно, есть. Ему тридцать лет. В их роду существует древняя устоявшаяся традиция: каждый новый маркиз обязательно должен жениться на рубеже своего тридцатилетия. Кажется, она пошла со времен четвертого маркиза Хантли в связи с его... – договорить Нике не дали.

– Ника, меня не интересует четвертый маркиз, да и пятый тоже, если, конечно, ты выходишь не за него. Меня интересуешь ты. Ты его любишь?

– Ну да! – восторженно откликнулась одурманенная счастьем невеста.

– А он тебя? – продолжала педантичный допрос не подпавшая под розовый дурман Юлия.

– Ну конечно!

– Давно вы знакомы? Он веселый или мрачный, замкнутый или душа компании? Щедрый или скупой? Умный или глупый? Какой он и какие у вас отношения? Не рано ли тебе замуж? Ты же хотела сперва окончить университет и устроиться на работу? – наконец выплеснула эмоции ошарашенная известием Юлия.

Еще несколько месяцев назад дочь серьезно, по-взрослому, рассуждала об опрометчивости и бессмысленности ранних браков, строила карьерные планы, и вот! Извольте радоваться!

– Что делать! Любовь! – легкомысленно вздохнула Ника в ответ на крик материнского сердца.

– Главное, чтобы не тщеславие, а то мне почему-то кажется, что титул тебя привлекает больше, чем его обладатель, – с иронией заметила Юлия, решив не сходить с ума раньше времени.

– Ну, что ты ерунду городишь! – искренне возмутилась Вероника. – Когда мы познакомились, я вообще ни о чем таком не знала и не думала.

– А кстати, как вы познакомились? – Да, такие пустяки, как оплата международных переговоров, семейство Ползуновых не напрягали.

Пришлось рассказывать все в подробностях.

С Гошей – так по-домашнему Ника называла Джорджа... и короче, и роднее, да и сам он терпелся, – они познакомились на одной светской вечеринке, куда привела ее новая приятельница, Энн Лудлоу, дочь виконта. Народу там было куча, и Джордж будущей избраннице как-то не запомнился, но через несколько дней он появился у нее в университете. Потом он стал бывать там все чаще, то один, то с компанией, по его словам, он навещал какого-то юного родственника. Как выяснилось позже, вымышленного. После третьей по счету вечеринки, которую он почтил своим присутствием, Джордж назначил Нике свидание, а еще через неделю она поняла, что втрескалась по уши.

В нем чувствовалась порода. Манеры, речь, умение держать себя с внутренним глубинным достоинством, образованность, легкость в общении – он просто покорила юную студентку. Никогда раньше Ника не встречала мужчин, подобных ему. Рядом с ним она чувствовала себя Золушкой, попавшей в сказку. Очень долго не могла поверить, что нравится ему, таким удивительным и чудесным он ей казался. Он разбирался в винах и музыке, в лошадях и живописи, изысканно одевался, при этом был совершенно естественен в своей несколько возвышенной манере держать себя. Ника настолько потеряла голову, что была готова бросить не только учебу, но и все на свете, только бы быть рядом с ним.

Однажды она прогуляла экзамен ради того, чтобы полететь с ним на скачки в Шотландию, а потом едва выкрутилась. Три месяца их знакомства были похожи на удивительный сон. Свидания, великосветские вечеринки, знакомства со знаменитостями, приемы, скачки, собственная ложа в театре, уик-энды в загородных особняках у его друзей. Роскошные букеты, по утрам доставляемые девушке в общежитие, полеты на частных маленьких самолетиках то в элитный гольф-клуб, то на парусную регату. Модные показы, шумные премьеры. За всю жизнь с Никой не случилось столько волнующих событий, как за эти три месяца.

И вот вчера, когда они стояли осыпаемые морскими брызгами у подножия маяка Дефенди, Джордж вынул из кармана маленькую коробочку и, встав перед Никой на одно колено, произнес своим волшебным, хорошо поставленным голосом:

– Вероника Осокина, я прошу тебя оказать мне честь и стать моей супругой. – И поскольку она продолжала молча стоять, зачарованно глядя на искрящееся в лучах солнца старинное кольцо и слушая, как в голове эхом разносятся его слова, он был вынужден переспросить: – Ты согласна?

Согласна? Да ничего на свете Ника не хотела так страстно, как выйти за него замуж. Здесь, на самом краю света, вдали от берега, ослепленные солнцем и осыпаемые сверкающими искрами брызг, они стояли обнявшись и слившись в долгом, страстном поцелуе то ли час, то ли год, то ли вечность. Никогда в жизни Ника не была так счастлива.

Любит ли она его? Обожает! Безумно! Дико! Страстно! С той самой минуты она не могла больше ни о чем думать, кроме своей скорой свадьбы.

Ника уже решила уйти на год из университета. Они с Джорджем отправятся в путешествие. Пока еще она не придумала куда, может, в Европу, может, в Азию, Африку или Антарктиду, неважно, главное – вдвоем. Она так счастлива! Эта фраза произносилась ею так часто, что Джордж не выдержал и сбежал на два дня в море с друзьями, предоставив невесте обзванивать всех подряд, сообщая сенсационное известие!

На этом месте в телефонной трубке раздался протяжный всхлип, Юлия наконец прониклась романтизмом ситуации и, шмыгнув носом, сказала, что ужасно рада и мечтает познакомиться с Джорджем как можно скорее.

Василий и остальная родня обрушили свой поток поздравлений спустя несколько минут после окончания разговора. Юлия задействовала конференц-связь для оповещения многочисленных родственников.

Глава 2

15 июня. Не может быть!

«Ягуар» лорда Хантли мчал семейство Ползуновых в родовой замок Хантли. За окном мелькали зеленые сочные луга Абердиншира, небольшие ухоженные рощицы, милые, чистенькие деревенки, цветастые палисадники, холмы, покрытые густой яркой зеленью, все выглядело так, словно ты листаешь туристический буклет. Быстрые перистые облака неслись по безбрежной синеве, иногда вдруг теряли скорость и, устав, оседали на своих толстых пышных кучевых собратях, чьи вершины золотились на солнце, а ближе к земле наливались преддождевой синевой.

Ключья тумана прятались в низинах, цеплялись за яркие россыпи цветов, таяли в лучах яркого утреннего солнца. Пестрые заплаты полей на окрестных холмах радовали глаз всеми оттенками зеленого – от почти лимонного до буро-коричневого.

Вчера Юлия с Василием, Марусей и няней Эбби прибыли в Эдинбург, а сегодня они едут в родовое гнездо своего будущего зятя. Свадьба Вероники должна состояться в следующее воскресенье, а пока семья невесты надеялась познакомиться и наладить дружественные отношения с будущими родственниками. Отрепетировать свадебную церемонию и морально поддержать невесту в этот волнительный период. Тем более что волнений у нее хватало.

Красоты, пронесившиеся за окном, к сожалению, не были оценены по достоинству ни Юлией, ни Василием. Ибо едва машина вырвалась на сельские просторы, Юлия с ангельским выражением на лице выудила из сумки синий скоросшиватель, чем вызвала на лице Василия болезненную судорогу.

Пытка проклятой папкой продолжалась уже пять дней – ровно с тех пор, как дорогая Вероника выслала им строгий циркуляр, трудолюбиво ею составленный. В нем дотошно, во всех подробностях были изложены правила обращения к титулованным особам, начиная от представителей королевской фамилии и заканчивая простыми баронетами, а также к их женам, детям, слугам, собакам и домашним тараканам.

Василий эту папку ненавидел. В его простой русской голове не укладывалось, к чему все эти сложности? Ну почему нельзя к ним ко всем обратиться «сэр»? Или «мистер»? И почему дети носят один титул, а родители другой? Почему один сын герцога маркиз, другой – граф, а третий – виконт? Да еще и с разными именами? И как это все запомнить, и кому это все надо? И чего они к нему пристали? И вообще он может никуда не ехать! А на дворе, между прочим, двадцать первый век, а вся эта ахинея – дикость и пережитки!

Но сколько он ни выл и ни упряился, учить все же пришлось, и теперь, вновь увидев проклятую папку, он молча протянул руку, взял ее у жены, открыл окно и так же молча вышвырнул ее на зеленую обочину.

Машина между тем миновала раскинувшийся справа небольшой городок и вырулила на обсаженную старыми раскидистыми деревьями дорогу, через несколько минут они миновали древние кованые ворота, украшенные фамильным гербом рода Хантли и высеченным на каменной арке девизом клана Гордонов, чьим достойным представителем были маркизы Хантли. «Bydand», в переводе с гэльского «Остаемся».

Они обогнули возвышавшуюся справа среди деревьев древнюю башню, старейшую часть замка Хантли, и выехали на залитую солнцем аллею перед парадным дверями.

Вероника буквально завалила семью фотографиями Хантли-холла, статьями об истории и достопримечательностях замка, так что, вылезая из машины, Юлия уже ощущала себя почти дома.

Василий кряхтел рядом, расправляя затекшие члены, Эбби с Марусей на руках ждала, пока шофер достанет из багажника коляску.

– Да, – недовольно пробубнил Василий, критически осматривая владения будущих родственников. – Замок мог бы быть и побольше.

– Ну, во-первых, он и так не маленький, – резонно заметила супруга, осматривая приземистое трехэтажное строение из серого камня, словно взятое под стражу квадратными могучими башнями, возвышавшимися по краям фасада. – К тому же это один из старейших замков Шотландии, старая башня и большой каминный зал относятся еще к пятнадцатому веку, и наконец, это один из немногих замков Великобритании, в котором продолжают проживать представители древнего рода. Ты хоть представляешь, во что обходится содержание этой громадины? – спросила Юлия капризного потомка купеческой фамилии.

– Я-то как раз представляю, – сухо заметил муж, единственный кормилец избаловавшегося семейства.

Странно, они стояли возле машины уже минут пять, но ни одна живая душа так и не соизволила выйти к ним навстречу.

– А почему это Ника нас не встречает? – словно читая ее мысли, спросил Юлию, нахмурившись, Ползунов, беря на руки раскапризничавшуюся Маруську, тем самым предоставляя няне небольшую передышку.

– Может, Ника решила встретить нас аристократически, стоя у подножия мраморной лестницы? – пошутила Юлия, поднимаясь по ступеням крыльца. Массивная дубовая дверь распахнулась им навстречу, и, миновав порог, они оказались в высоком сумрачном холле.

– Добро пожаловать в Хант-холл, – раздался из сумрака гулкий безликий голос, он звучал так отрешенно, что у Юлии на мгновение возникла дикая мысль: уж не привидение ли их приветствует?

Но через минуту, когда глаза привыкли к слабому, лившемуся откуда-то сверху свету, она смогла разглядеть стоящую среди вестибюля женщину. Высокая, подтянутая, в строгом темном платье, она смотрела на прибывших, неодобрительно поджав губы. Чувствуя, что начинает закипать от подобной «теплой» встречи, Юлия заговорила холодным, ровным голосом, стараясь не выдать раздражения:

– Добрый день. Мы мистер и миссис Ползуновы. И мне бы очень хотелось, чтобы вы проводили нас к моей дочери. Мисс Веронике Осокиной, – на всякий случай добавила она, совершенно не представляя, как разговаривать с этим оплотом английской респектабельности.

– Это невозможно, – произнесла таким же безучастным голосом дама и снова замолкла, испытывая их терпение.

– Так. Что здесь происходит? – не выдержал наконец Василий. – Где моя дочь? Где, наконец, мой зять? Почему нас никто не встречает? Что за бардак здесь творится? – клокотал возмущенный российский олигарх. И его простонародный рев эхом пронесся под древними высокими сводами, угрожая разнести аристократическое гнездо вдребезги.

Подобный эмоциональный напор возымел действие. Дама в темном ожила, дернула головой и, чопорно приподняв брови, заявила:

– Я провожу вас в библиотеку. Милорд выйдет к вам, – после чего молча развернулась и направилась к резным дверям, ведущим во внутренние покои.

Ползуновы так же молча двинулись за ней. Эбби осталась топтаться в холле.

«Чудное местечко. Начинаешь задумываться: а нужны ли нам такие родственнички?» – подумала Юлия и покосилась на Василия; его профиль выражал те же сомнения.

* * *

– Что вы сказали? – она растерянно смотрела на Джорджа, судорожно соображая, где взять англо-русский словарь. Знание языка, которое Юлия считала вполне сносным, кажется, подвело ее. – Повторите еще раз. Медленнее.

– Веронику арестовали два часа назад по обвинению в убийстве моей матери, леди Эстер.

– Джордж, это какая-то глупость! Вероника – и убийство! Она что, застрелила ее?

– Нет. – Бледное лицо Джорджа было каким-то пустым и невыразительным, он устало обхватил руками голову и опустился в большое красное кресло, стоящее возле камина. До сих пор разговор проходил стоя. – Маму ударили по голове садовой cleaver.

Последнего слова Юлия не поняла.

– Такой инструмент на длинной ручке, ровный и острый с одной стороны, он имеет три зубца с другой, – попытался объяснить Джордж, по-прежнему отводя глаза.

– Тяпка, наверное, – буркнул Василий.

– Но при чем тут Вероника? Она что, взяла и подошла к леди Эстер и ударила ее? Или они поругались? Что случилось?

– Мы точно не знаем. Полиция еще собирает показания.

– Подожди, – включился муж. – Никто не видел, как убили, – он на секунду замялся, – твою мать? Но арестовали Веронику?

– Горничная видела из окна, как Ника стояла над леди Эстер, когда та была уже мертва, орудие убийства лежало тут же.

– И за это ее арестовали? – Василий наливался пурпуром, ему явно не хватало воздуха, он нервно рвал на себе галстук и при этом так громыхал кулаком по небольшому инкрустированному столику, который подвернулся ему под руку, что Маруська, пытавшаяся оторвать нос забившейся в угол дивана дрожащей всем телом левретке, бросила свое занятие и уставилась на папулю. – Это что? Правосудие? Это факты и доказательства? А вы, Джордж, вы-то что молчали? Как вы позволили арестовать ее? Вы что же, тоже думаете, что Ника убила вашу мать? Ваша невеста? – Чувствовалось, что он едва сдерживается, чтобы не схватить маркиза за грудки и не встряхнуть как следует.

Джордж сидел совершенно раздавленный, поникший, какой-то безучастный.

– Конечно, он не молчал! – Двери кабинета порывисто распахнулись, и на пороге появилась Мардж. – Джули! Это ужас! Это просто безобразия! Мы пытались вмешаться, но с нашей полицией так просто не поспоришь. Им все равно, маркиз ты или герцог, при исполнении служебного долга они не принимают во внимание подобные мелочи. И потом, обстоятельства... – Мардж сожалеюще пожала худыми плечами.

– Василий, познакомься, это Марджори, герцогиня Оркни. Подруга Джорджа и Ники. Я рассказывала тебе о ней. Она нас просто выручила со всей этой предсв... – Юлия не смогла договорить. Огромный соленый ком вдруг подкатил к горлу. – Мардж, это мой муж Василий Ползунов, отчим Вероники.

– Очень приятно. – Мардж подошла к Василию своей мягкой, будто крадущейся походкой и крепко пожала его руку, а потом чмокнула Юлию в щеку, сжав на мгновение плечо в знак поддержки. – Я надеюсь, вы простите Джорджа? Смерть матери, – она легко коснулась плеча замершего в кресле маркиза, – а потом этот ужасный арест. Он просто на пределе. – Мардж покачала рыжей кудрявой головой.

– Мне бы хотелось увидеть Веронику, – сдерживаясь из последних сил, проговорила Юлия. – Мардж, мы можем остановиться в замке? Хотя бы ненадолго?

– Конечно. Комнаты для вас готовы, – ответила она, мельком взглянув на Джорджа.

– Пожалуйста, пусть кто-нибудь проводит нашу няню с малышкой в их комнаты, а мы с Василием отправимся в полицию. Она... Ее держат здесь? В Хантли?

– По-моему, – растерялась Мардж. – Весь этот ужас. Следователи, полицейские, эксперты, допросы, врачи. Они только недавно уехали. Мы так растерялись, что толком ничего не спросили, – ответила она извиняющимся тоном. – Думаю, лучше узнать в полицейском участке. Там наверняка знают. Ах, да, – спохватилась она. – Мы можем им позвонить.

– Нет, – твердо решил Василий. – Лучше сразу ехать. Мы можем временно позаимствовать вашу машину с шофером? – обратился он к Джорджу.

Тот лишь неопределенно повел плечами.

– Держись, – сдержанно похлопал его по спине Василий, выходя из комнаты. – Мы ее вытащим. Это все полный бред. – И они с Юлией вышли из комнаты.

Когда машина отъезжала от дома, ей показалось, что кто-то наблюдает за ними из окон второго этажа. Кто-то исподтишка смотрел им вслед.

Глава 3

15 июня. Радужные господа из Хантли-холла

Машина русских отъехала. Лесли Пейн, экономка в доме Хантли, отошла от окна. Лицо ее сейчас утратило обычную суровую непреклонность и было грустным и словно помолодевшим. Мягкость сделала ее черты приятней, свежее. Она вздохнула и пошла к себе наверх в надежде, что ближайшие несколько часов сможет побыть одна. Горничные и два лакея вполне в состоянии справиться с приемом русских и их няньки.

Надо же, нашли англичанку, размышляла она, идя по лестнице. Видно, тоже мечтают у нас осесть. Еще одни иностранные толстосумы. Англичанину скоро и места у себя дома не найдется.

Лесли привыкла считать всех иностранцев никчемными, подозрительными типами. Так говорили ее дедушка и ее отец. Да и сама она недолюбливала их и не понимала. Французы еще куда ни шло. Но русские? О чем только думал милорд, когда выбирал такую невесту? Ведь не мальчик уже.

Немудрено, что леди Эстер на дух ее не переносила. Еще бы! Единственный сын! Маркиз Хантли! Древний род! Такая история, и нате вам, какая-то самозванка, простолюдинка, да еще и русская. А всем известно, что в России одна мафия и больше ничего.

Мисс Пейн вошла в свою комнату и прикрыла дверь. Конечно, принц Уильям тоже женился на простой девушке, но англичанке, из хорошей семьи. Славная девушка, подумала Лесли, вспоминая, как мило смотрелась Кейт Миддлтон в свадебном платье. И вести себя умеет, и манеры у нее достойные, краснеть не приходится.

А эта? Лесли брезгливо поджала губы, вспомнив, как эта русская визжала на шее у милорда, когда тот подарил ей свою старую кобылу Грейси Поинт. А как она разговаривала с миледи? Взять хотя бы их вчерашнюю беседу в гостиной.

Мисс Пейн стояла возле комода и перебирала в руках края плетеной кружевной салфетки. «Надо же, мамы уже нет лет пятнадцать, – подумала она, – а кружеву и того больше, и до сих пор не пожелтело». Лесли нежно погладила рукой покрытую кружевом поверхность, расправляя его. Да, тогда она тоже собиралась замуж, и мама связала ей целый набор симпатичных салфеточек. Лесли вздохнула. Поправила выбившуюся из прически прядь пепельно-русых с редкой проседью волос и открыла ящик комода. Она пошарила рукой в среднем ящике и выудила из его глубины небольшую резную шкатулку.

Мисс Пейн села у окна в свое любимое кресло, бархатное, с высокой спинкой, оно когда-то стояло в спальне у старого лорда, но потом милорд умер, а миледи сочла его слишком громоздким и затертым и позволила Лесли забрать его наверх.

Погладив пальцами замысловатый узор на крышке, мисс Пейн уже хотела открыть шкатулку и посидеть у окна, предаваясь мечтам о своем ближайшем будущем, о тех радостных переменах, которые ожидают ее. Теперь, после смерти маркизы, она наконец заживет полной, счастливой жизнью. Но вид идущих к дому молодых людей отвлек ее, снова вернув к сегодняшним событиям.

По лужайке к дому шли двое. Даже с такого расстояния Лесли заметила, как счастливо улыбается Эвелин Ньюпорт, племянница ее покойной хозяйки. Маленькая хитрая лиса уже считает возможные дивиденды, которые получит от смерти своей тетки.

Разглядеть выражение лица ее жениха экономка не смогла, он шел, как всегда, ссутулившись и низко наклонив голову. И что она в нем нашла? Ни красоты, ни денег. Оба они, по сути, нищие, хоть и носят громкие титулы. Ей бы лучше выйти замуж за какого-нибудь состо-

ятельного бизнесмена, а она, дуреха, вцепилась в этого потомка герцогов и маркизов. Вон как виснет на нем!

Мисс Пейн недолюбливала эту девицу. Эвелин Ньюпорт была дочерью графа Бредфорда и леди Кэралайн, родной сестры леди Эстер. Ей было двадцать пять, она была шустрой, пронырливой, приторно-сладкой с равными и презрительно-высокомерной – с прислугой. Если, конечно, не ожидала для себя какой-нибудь выгоды. Такой она была и в детстве. Нашкодит, бывало, и все норовит свалить на других. Лучше всего на прислугу. А сама вся такая сладкая да ласковая, сущий ангел. Да только никто ей особо не верил. Лорд Хантли в детстве частенько ее поколачивал, да и леди Эстер ее не жаловала. Да что говорить, если ее родной отец, граф Бредфорд, то еще сокровище, тоже считал, что розги – это то, чего малютке действительно не хватает.

Да, а гляди-ка, выросла, окончила университет, жениха нашла приличного, все как у людей. Да, не то что лорд Хантли.

И ведь говорила ему леди Эстер, что расстроит этот брак, так и вышло. Хоть из могилы, а слово свое держит, ехидно усмехнулась Лесли, вспомнив, какой грандиозный скандал разгорелся примерно неделю назад, когда милорд заявился в замок с невестой готовиться к свадьбе.

Нечасто леди Эстер позволяла себе такие крепкие выражения, а крик стоял такой, что аж стены в розовой гостиной тряслись. Грозилась оставить сына без наследства, если он женится на этой русской авантюристке. Но он лишь твердил свое. «Все уладится, вы подружитесь, ты ее полюбишь». Большой ерунды мисс Пейн за всю свою жизнь не слыхала. Чтобы леди Эстер с ее гонором и упрямством сменила гнев на милость? Да никогда в жизни. Уж сынок-то должен это знать. А горничная Эмили Шорт ей потом говорила, что русская стояла в это время под дверью и подслушивала. Вот после этого разговора Бредфорды и налетели, как саранча. Всем семейством. То-то небось сейчас радуются. Завещание леди Эстер вряд ли, конечно, переписала, но свои доли они, безусловно, получают. Хотя, может, хозяйка свою угрозу и исполнила. Стряпчий к ней приезжал, и она демонстративно провела с ним в своем кабинете не меньше часа. Но что они там делали? Поди угадай.

Лесли снова взглянула на уже опустевшую лужайку и собралась наконец открыть свой ларец, когда в комнате прозвучал резкий требовательный звонок.

Глава 4

15 июня, вечер. Василий начинает действовать

Ползуновы возвращались в замок из полицейского участка.

Шок, который Юлия испытала утром, уже прошел, но теперь страх за судьбу дочери стал более глубоким и осмысленным.

«Мой ребенок в тюрьме! Среди преступников и отморожков. С решетками на окнах, – беспрестанно повторяла она. – Мрак и ужас! Хорошо еще, что это не российская тюрьма, не надо опасаться туберкулеза в подарок... Хоть бы Ника сидела в отдельной камере!» Юлина несчастная голова пухла, наполняясь кошмарными картинками, которые услужливо подсовывала ей память. В основном это были кадры российской криминальной хроники. Узнать, как реально обстоят дела у ребенка, им с Василием так и не удалось.

Увидеться с Никой им не позволили. Инспектор, равнодушный, толстый тип, не проявил к Ползуновым никакого интереса. Он сухо посоветовал нанять хорошего защитника и сообщил, что обстоятельства дела складываются не в пользу Вероники.

Василий уже взялся за дело. Созвонился с какими-то людьми, договорился о нескольких встречах.

– Не волнуйся. Сегодня я вылечу в Лондон на пару дней, переговорю кое с кем. Маркизы хреновы. Ничего, мы тоже не лыком шиты. У меня есть надежные люди, попытаемся надавить на этих блюстителей закона из Лондона. Попытаемся вытащить ее под залог.

– Василий, по-моему, из этого ничего не выйдет. Может, лучше попытаться помочь полиции найти настоящего убийцу? – робко проговорила Юлия.

– Вероника не хотела, чтобы они с будущим мужем лишились наследства! – процитировал Василий слова полицейского инспектора, пропустив мимо уха слова жены. – Да на кой нам их деньги? У нас свои есть!

– Но не у Вероники, – привела Юлия довод инспектора Бакера.

– Мои деньги – ее деньги.

– Формально она тебе никто. – Сердце болело так, словно его сжали тисками.

– Ну, ладно. Пока эти сволочи обстряпывают свои делишки, я удочерю ее в срочном порядке и Дениса усыновлю. Чтоб дважды не заморачиваться. – Василий стоял посреди спальни, засунув руки в карманы брюк, как Ленин на броневике, глядя в светлое будущее.

– Ты это серьезно?

– Еще бы. Кто знает, что еще в жизни случиться может. Так спокойнее.

Юлия только молча покачала головой, не видя в этой затее ни смысла, ни логики. К тому же отец Диньки и Ники вряд ли одобрит эту затею.

– Ты, главное, не волнуйся, – снова ожил Василий. – Сидите в Хантли. Надеюсь, дорогой зятек не выкинет нас на улицу. Если что, я навел справки, тут неподалеку есть приличная гостиница, переберетесь туда. Дениса, думаю, пока лучше не дергать. Пусть посидит в университете. Придумай что-нибудь, почему его приезд откладывается.

Юлия согласно кивала. Хорошо, когда кто-то принимает на себя всю ответственность в трудную минуту, позволяя тебе предаться горю. И она жалостливо всхлипнула.

Спустя пару часов Василий уехал. Юлия осталась с Машкой и Эбби в огромном чужом доме, где им все были не рады. И даже прислуга смотрела так косо, что Юлии до ужаса хотелось вжать голову в плечи и забиться куда-нибудь подальше, в тихий темный уголок.

Время шло, а они втроем сидели в детской, словно в осажденной крепости, боясь высунуть нос в коридор. Когда в комнате пролегли длинные вечерние тени, дверь в детскую тихо приоткрылась, и на пороге появилась Мардж.

Увидев ее приветливое бледное лицо, Юлия попыталась также приветливо улыбнуться, но вышло что-то жалкое.

– Джулия, вот вы где прячетесь. Уже время обеда. Немедленно отправляйтесь к себе, переоденьтесь, и, если вы не будете слишком копать, я успею показать вам до обеда замок. А потом мы пойдем в столовую и присоединимся к остальным. Ваша няня с малышкой пообедают здесь.

– Может, мне тоже имеет смысл остаться? Вряд ли мое общество, учитывая обстоятельства, будет для Джорджа таким уж желанным.

– Не говорите ерунды. Он и сам понимает, что все это – ужасное недоразумение. Идемте. – И она, энергично взяв Юлию за руку, буквально вытащила ее из комнаты.

Осмотрев до обеда картинную галерею, несколько салонов, в том числе музыкальный, китайскую гостиную, библиотеку, курительную, бильярдную, дубовый кабинет, восточную гостиную, они наконец вошли в распахнутые двери столовой, где уже собралось небольшое общество.

– Мардж, кто эти люди? У вас гости? – испуганно спросила Юлия, пятясь прочь от дверей.

– Не бойся. Это леди Кэролайн с семейством. Тетка Джорджа по материнской линии. Пойдем я тебя представлю.

– Ни за что! Они-то наверняка уверены, что это Ника убила маркизу. – Юлии совершенно не улыбалось провести вечер в столь «приятной компании».

– А она убила? – взглянула на нее с прищуром Мардж.

– Ты с ума сошла? – От возмущения Юлия перешла на довольно вульгарный способ выражения мыслей.

– Тогда вперед. И держи голову высоко. А если будешь стыдливо прятаться по углам, они наверняка утвердятся в своем мнении. – И ее втокнули в гостиную, точнее, в бассейн с крокодилами.

Глава 5

15 июня, поздний вечер.

Бредфорды, чинные и благородные

Леди Бредфорд стояла у окна гостиной спиной к собравшимся и смотрела на пустынные садовые аллеи. Пастельные краски позолоченного закатного неба нисколько не трогали ее душу, так же как и замысловатые узоры, созданные на клумбах местным садовником. Она судорожно соображала, как ей теперь выкрутиться. Еще утром она была уверена, что сможет достать у Эстер необходимую сумму. Но все пошло не так. Она до сих пор вспыхивает от негодования, вспоминая их утренний разговор. А потом это...

Ах, какая катастрофа! Как все ужасно! Ужасно несправедливо! Бедный мальчик. Неужели ничего не удастся придумать? И леди Кэролайн, обернувшись, взглянула на своего сына. «Бедный мальчик» смаковал, стоя у камина, очередную порцию бренди.

– Чарльз, дорогой, тебе не кажется, что уже довольно? – обратилась она к высокому загорелому парню с каштановыми густыми волосами и спортивной, прокачанной фигурой.

– Расслабься, ма. У Джорджа водится неплохое бренди, когда мне еще доведется полакомиться. У нас такого не бывает.

– Из-за камина раздалось неразборчивое одобрительное кряхтение. Чувствовалось, что лорд Бредфорд разделяет мнение сына.

В свои двадцать три года сын леди Бредфорд Чарльз Ньюпорт, Виконт Ирвин, был законченным бездельником. С грехом пополам ему удалось окончить Кардиффский университет, и то лишь благодаря своим успехам в теннисе и нескольким выигранным им регатам. Степень магистра по связям с общественностью, возможно, и помогала ему на светских тусовках, но никакого практического применения своим знаниям этот шалопай так и не нашел и, кажется, искать не собирался. Он прекрасно чувствовал себя, сидя на шее у родителей, бесконечно влезал в долги, не особо задумываясь, как их отдавать. Поскольку задумывалась об этом обычно мамочка. Она вечно искала деньги, выкручивалась, изворачивалась, рыдала, но доставала необходимые этому баловню суммы. При этом Чарльз был славным, добрым малым, веселым, благодушным, компанейским. Остроумный, легкий, отзывчивый. Мотылек, порхающий среди радостей жизни, безобидный и бесполезный.

И вот это дитяtko продуло в карты почти десять тысяч фунтов. Сумма для семьи немалая. Не отдать было невозможно. Этот несчастный выписал долговую расписку, ее пустили в дело, ибо играл он не с одним из своих желторотых приятелей, а с людьми, которые шутить не привыкли. Срок выплаты истекает через неделю. Эстер была их последней надеждой.

Эстер! Какая несправедливость! Отец всегда любил ее больше, после его смерти, когда вскрыли завещание, выяснилось, что две трети состояния достается ей. В завещании было сказано – как старшей. Братьев у Эстер и Кэролайн не имелось. И было бы честно поделить все поровну.

Завещание! Какая же она дура! Ну конечно! Эстер не могла не оставить ей и племянникам хоть что-то. И наверняка эта сумма превышает необходимые десять тысяч! Главное теперь – убедить кредиторов дожидаться выплаты. Но это уже проще. Можно предложить проценты или придумать еще что-то. На душе у леди Бредфорд стало легко, она расправила плечи и почти что с улыбкой повернулась навстречу входящему в комнату племяннику. Но вовремя опомнилась и, сделав подобающее случаю печальное выражение лица, шагнула ему навстречу, по-матерински раскинув руки для объятия.

От этого фальшивого жеста лорда Хантли едва заметно передернуло, но он позволил тетке на несколько секунд прижать себя к груди, после чего решительно высвободился из ее объятий и, не глядя на присутствующих, сел за стол.

Семейство леди Бредфорд сочло это сигналом и стало неспешно рассаживаться за столом.

– Чарльз, дорогой, подкати к столу Бани.

Последнее замечание касалось дремавшей в кресле-каталке старой леди. Она была такой маленькой и хрупкой, что было немудрено и не заметить ее в укутывавшем ее пледе.

– А где Мардж? – капризно надула губки Эвелин, старшая дочь леди Бредфорд. – Вечно ее приходится ждать.

– Наверное, ее задержали какие-то дела. Кажется, она взяла на себя управление домом, пока дорогой Джордж не найдет в себе для этого достаточно сил, – ревниво проговорила леди Бредфорд, обзвав про себя эту рыжую девицу выскочкой.

Что вообще она тут делает? Да еще в такой момент! Тактичный человек немедленно покинул бы замок, а ей и горя мало.

В следующий момент на пороге столовой появилась Мардж в сопровождении незнакомой дамы.

ГОСТИ? Взгляды леди Кэролайн и ее дочери говорили красноречивее всяких слов. Мужчины поднялись навстречу вошедшим.

– Простите нас за опоздание, – легко проговорила Мардж, держа незнакомку за талию. – Я показывала Джулии замок. Разрешите представить, Джулия Ползунова, мать бедняжки Вероники.

Глаза леди Бредфорд едва не выскочили из орбит, когда она повернулась к племяннику, кипия праведным гневом. Мать убийцы ее сестры под этим кровом?

Эвелин возмущенно толкала в бок своего жениха лорда Портланда, высокого, сутулого молодого человека с мягким взглядом близоруких глаз, не проронившего до сих пор ни слова.

Лорд Бредфорд, краснолицый, приземистый, со следами некогда пышной каштановой шевелюры на макушке, довольно крякнул, глядя на клокочущую от возмущения супругу, после чего весьма двусмысленно улыбнулся вошедшей гостье.

Чарльз, следуя своему излюбленному способу времяпрепровождения в кругу семьи, счел нужным, выйдя из-за стола, поцеловать вошедшей руку, добавив к этому, что теперь понятно, в кого Вероника уродилась такой красавицей. После чего, испепеляемый взглядами матери и сестры, проводил гостью на ее место справа от себя.

По его мнению, обед обещал быть великолепным.

Первая часть обеда прошла в гробовом молчании, нарушенном лишь несколькими репликами лорда Бредфорда и его сына.

Но к концу обеда градус кипения леди Кэролайн достиг предельного уровня, и она обратилась к племяннику, при этом демонстративно сверля взглядом сидевшую напротив мать русской негодяйки.

– Джордж, – проговорила высоким от волнения голосом, – тебе не кажется присутствие в доме этой женщины не просто неуместным, а оскорбительным? Как мог ты пустить ее под свой кров? Под кров твоей матери? – Горло графини свело судорогой, ей не хватило воздуха, и она замолчала, так и не закончив своей обличительной речи.

– А где Эстер? – раздался вдруг чей-то чистый звонкий голос, и все присутствующие подпрыгнули от неожиданности. – Она не выйдет сегодня к обеду?

Все взоры обратились к крохотной старушке с копной пышных белоснежных кудряшек на голове. Она только что вынырнула из своего пледа и теперь смотрела на присутствующих удивленным взглядом огромных, широко распахнутых глаз какого-то совершенно невероятного василькового цвета. Ее кожа и волосы были абсолютно белыми, словно она была вылеп-

лена из снега, и синие глаза смотрелись бы на ее лице нарисованными, если бы не живой, яркий их блеск.

– Эстер убита! – трагически возопила леди Бредфорд, испепеляя старушку гневным взглядом, она вообще ощущала себя сегодня эринией, богиней мщения.

Но та в ответ лишь похлопала длинными приклеенными ресницами и, совершенно не проникнувшись ужасом происшедшего, сморщив крохотный накрашенный ротик, проговорила:

– Какая жалость. Положите мне, пожалуй, паштета. Надеюсь, он удался? Прислуга так остро реагирует на подобные происшествия, что можно ожидать чего угодно.

Присутствующие молча взирали, как милая леди с аппетитом отведала поданное блюдо, а затем в леди Бредфорд вновь проснулся боевой пыл:

– Я надеюсь, Джордж, ты не опустишься до подобного цинизма? – И она одними глазами указала на безмятежно жующую Бани. Та улыбнулась в ответ мягкой невинной улыбкой, демонстрируя собравшимся два ряда идеально ровных вставных зубов. Чувствовалось, что маразм полностью овладел этим безобидным кудрявым созданием.

– Вина Вероники еще не доказана, – не глядя на присутствующих, проговорил лорд Хантли. – И я надеюсь, что в ближайшее время это недоразумение разрешится.

– Недоразумение? Это хладнокровное убийство ты называешь недоразумением? – обрела голос леди Бредфорд.

– Мам, по-моему, ты несправедлива, – раздался мягкий ленивый голос Чарльза. – К тому же, согласись, тетя Эстер при желании могла и ангела из себя вывести. У меня самого не раз появлялось желание стукнуть ее чем-нибудь, да, к сожалению, тяпки под руку не попадалось. – Он весело улыбнулся своей шутке, перемигнувшись с отцом, но, натолкнувшись на холодный, злой взгляд Джорджа, тут же сделал жалобную мину, подняв вверх руки в знак капитуляции.

– Твои шуточки становятся все несноснее день ото дня, – раздраженно взглянула на брата Эвелин. – А ты, Джордж, проявляешь возмутительную бесхребетность. Мы с Джеймсом считаем, что этой особе не место в доме Хантли. – И она гордо выпрямилась, толкнув в бок своего жениха, словно призывая его продемонстрировать свою солидарность.

Но Джеймс, лорд Портланд, если и проявил солидарность, то лишь в своей безучастной манере держать себя, оставаясь равнодушным ко всему на свете.

– Жаль, это не твой дом и не тебе решать, кому здесь место, – сладко улыбнулась ей Мардж.

– Джордж, умоляю тебя, прояви благоразумие! – снова воззвала к племяннику леди Бредфорд. – Если эта женщина, – и она обличительно ткнула пальцем в сидящую напротив бледную, с напряженно сжатыми губами русскую, – останется здесь, общество отвернется от тебя! Семья отвернется от тебя! – После этого заявления Мардж тихо ехидно усмехнулась. Леди Кэролайн пригвоздила ее к месту горящим презрительным взглядом.

Эта обличительная тирада повисла в воздухе, так и не дождавшись никакого отклика.

Тишину нарушил тихий, но твердый голос. Русская говорила с сильным акцентом.

– Я нахожусь здесь, поскольку таково желание лорда Хантли. Против моей дочери выдвинуты серьезные, но необоснованные обвинения. И я требую, чтобы до тех пор, пока ее вина не будет доказана, а я знаю, что этого не случится, потому что она невиновна... Я требую, чтобы подобные высказывания в адрес моей дочери и нашей семьи не повторялись. В противном случае я буду вынуждена привлечь вас к суду за клевету и оскорбление человеческого достоинства. – После этого русская поднялась из-за стола, поблагодарила лорда Хантли за прекрасный обед и вышла из столовой с гордо поднятой головой.

– Ай да штучка! Как она тебя? – довольно хрюкнул лорд Бредфорд, обращаясь к сидящей с открытым от растерянности ртом жене.

Глава 6

15 июня, очень поздний вечер. Сколько стоит пожениться?

Юлия шла вверх по лестнице, едва сдерживая бешенство. «Ну, Вася, спасибо тебе! Бросил на съедение этим аристократическим гиенам! Хорошо, хоть Мардж здесь. А Джордж тоже хорош, сидит, как статуя командора, ни «бе», ни «ме», ни «кукареку». Не может навести порядок в собственном доме». Войдя в свою спальню, она громко хлопнула дверью и бросилась на большую, застеленную бледно-голубым парчовым покрывалом кровать. Вот тебе и свадьба! А ведь как чудесно все начиналось!

* * *

С Джорджем они познакомились два месяца назад на праздновании помолвки. Джордж произвел на нее ужасно приятное впечатление, если таковая формулировка вообще допустима. Он был в меру хорош собой, чуть выше среднего роста, со светлыми чуть выщипавшимися волосами. Очень сдержан и подчеркнуто вежлив. Но все это было вполне естественно, учитывая среду, в которой он вырос. Было бы смешно ожидать, что он станет пить пиво из бутылки или подзывать официантов, щелкая пальцами. Его образованность и разносторонность делали его интересным собеседником.

Но самое главное – он, безусловно, любил Веронику. Это была не пылкая поверхностная страсть, а надежное глубокое чувство. Даже когда она находилась в другом конце зала, он провожал ее таким нежным, восхищенным взглядом, что Юлии невольно стало грустно – вряд ли кто-нибудь будет так же восхищенно следить за ней.

Его внимательность и заботливость по отношению к ее дочери просто покорили Юлию. А разница в возрасте стала рассматриваться как безусловный плюс.

Официальная помолвка отмечалась в Лондоне, где жених проводил большую часть своего времени. Из размытых ответов Джорджа Юлии стало ясно, что главным его занятием является получение максимума удовольствий от жизни. В качестве хобби он имел управление поместьем. Но оттуда его вытеснила мамочка.

Торжественное мероприятие проходило в отеле Haytt Regency London и было оплачено Василием. Ему почему-то очень польстила перспектива породниться с одним из древнейших аристократических шотландских родов. Отель был чудесный, с собственным внутренним двориком, в самом центре Лондона, в двух шагах от Оксфорд-стрит и Гайд-парка. Элегантные интерьеры сочетали в себе сдержанный шик и английскую респектабельность. Шоколадные цвета, преобладавшие в интерьере, создавали ощущение уюта, а роскошные мраморные полы холлов добавляли дворцовой роскоши.

Гостей было немного, человек тридцать-сорок, не больше, в основном молодежь. Родители жениха на торжестве отсутствовали.

Джордж ужасно извинялся, его мать последнее время совсем не покидает Шотландию – капризы избалованной особы. Отец жениха скончался, не дожив до судьбоносного события лет десять.

Юлию отсутствие матери жениха не порадовало, ибо свидетельствовало лишь об одном: будущая невестка маркизу Хантли явно не устраивала. Тут уж Юлия иллюзий не питала. Утешало лишь одно: английский лорд – это вам не нищий советский инженер из питерской хрущевки, и вряд ли его жена будет вынуждена делить пятиметровую кухню с ненавистной све-

кровью, ежедневно участвуя в бессмысленных бытовых скандалах. В конце концов, они могут и вовсе не встречаться, вряд ли это омрачит счастье молодых. Джордж – совершеннолетний обладатель титула, состояния и поместья, и если он принял решение жениться на Веронике, то, несомненно, продумал все возможные последствия. Юлин будущий зять производил впечатление человека вдумчивого, серьезного, ответственного, несмотря на простительную аристократическую привычку к праздному образу жизни. Впрочем, по словам Вероники, Джордж некоторое время держал художественную галерею, помогая талантливым начинающим художникам, но экономический кризис и снижение интереса к предметам искусства вынудили его закрыть последнюю.

Возможно, после свадьбы Василий поспособствует ее возрождению, вступив с маркизом Хантли в долю. Юлия заметила живой блеск в глазах мужа при обсуждении этой темы.

После помолвки, большую часть гостей на которой составляли графы, герцоги и крупные лондонские финансисты, Юлии пришлось еще на месяц задержаться в туманном Альбионе. В ожидании прибытия подружки невесты она активно включилась в подготовку свадебных торжеств.

Местом проведения церемонии был назначен фамильный замок рода Хантли, и глава самой модной конторы по организации свадебных торжеств лично вылетал в Абердин для осмотра места будущих событий. Юлию с Вероникой туда не взяли.

Джордж густо краснел, стыдливо отводил глаза, пытаясь оправдать такое странное решение. В конце концов даже Вероника сжалась над ним, и они остались дома.

По словам Вероники, которая все же была удостоена счастья познакомиться с будущей свекровью – накануне помолвки они с Джорджем летали в Шотландию на уикенд, – та была сущей фурией.

Как выяснилось через неделю, организация великосветской свадьбы – дело ужасно хлопотное, если не сказать выматывающее, и если бы не помощь Мардж, новой Вероникиной подруги и подруги детства дорогого Джорджа, Юлия с Никой наверняка опустили бы от отчаяния руки.

Леди Марджори, герцогиня Оркни, обладала удивительным даром превращать в удовольствие самые скучные и сложные дела. К тому же она знала всех и вся в Лондоне, а все знали ее. Стоило произнести ее имя, как двери самых элитных, модных и недоступных простым смертным дизайнеров, флористов, кондитеров и кутюрье распахивались перед вами.

Так Веронике удалось заполучить Марио Тестио, официального фотографа принца Уильяма и Кейт Миддлтон, недавно он фотографировал на свадьбе Кейт Мосс флориста Мойсе Стивинса, а Prestat разработали к свадьбе специальную коллекцию конфет «Хантли вейдинг». Юлия слушала о планах дочурки, просматривала образцы и альбомы, осматривала миллионы цветов, тысячи свадебных тортов и столовых аксессуаров – хорошо, что хотя бы с сервисом проблем у молодых не было, он уже имелся в замке. Невероятно древний, почти бесценный, с которого лорды Хантли еще в незапамятные времена потчевали английских королей. Юлия понимала, что начинает терять чувство реальности. Платья для подружек невесты – ни много ни мало для десяти девиц, – бутоньерки для жениха и его друзей. Ковровые дорожки, транспорт, меню, сувениры, оркестры! Это была отдельная эпопея! Спустя месяц такой «райской» жизни Юлия сбежала из Лондона, предоставив дочери самой «наслаждаться» свадебными хлопотами.

Счет, который деточка представила Василию спустя еще полмесяца, свалил Юлию с ног в прямом смысле слова. Она вдруг ощутила какую-то странную слабость в коленях, все клеточки ее тела мелко задрожали, и она осела на пол гостиной, молча протягивая Василию хрустящие листы, плотно заполненные цифрами.

Венчала это безобразие кругленькая сумма, которую дочурка выложила за платье. Пятьдесят тысяч долларов – вот стоимость куска расшитого шелка, который она собиралась надеть единственный раз в жизни.

Все российские подружки Вероники в один голос советовали ей заказывать платье у Сары Бартон, которая сделала платье для английской принцессы. Но Мардж категорически отменила эту идею, посоветовав обратиться к кому-то из признанных мастеров и уж ни в коем случае не опускаться до плагиата королевской свадьбы.

В итоге после долгих дебатов она остановила свой выбор на платье от Оскара де ла Рента – элегантное облегающее фигуру платье с длинным шлейфом, отделанное тончайшим кружевом, вышивкой и декорированное по подолу черным стеклярусом, который дает некий намек на Средневековье. Учитывая, что свадебная церемония будет проходить в самой старой части замка, которая помнит еще королеву Марию де Гиз, мать всем известной несчастной обезглавленной Марии Стюарт, Ника решила сразу же отменить все открытые, легкомысленные фасоны, попытавшись найти что-то более отвечающее случаю. И вот он – шокирующий результат!

– Три миллиона? И всего пятьсот гостей? Я ожидал большего размаха, – разочарованно вздохнул Василий. – Он что, стесняется невесты? Или будущих родственников? Кстати, сколько народа будет с нашей стороны? – насторожился потомок купцов первой гильдии.

– Думаю, человек двести, – робко молвила Юлия с пола.

– Где список гостей? – Боевой задор разгорался в муже, как лесной пожар в Греции. – Вы их с женами считали? Некоторые приедут с детьми! Почему так мало? Где список? – вопил Василий, уже наматывая третий круг по гостиной, беспорядочно хватая вещи и кидая их как попало.

Юлия обреченно встала с пола и побрела в кабинет за списком. Один из ста экземпляров лежал посередине мужниного стола и был зачитан им чуть ли не до дыр.

– Так. – Муж уставился в бумаги. – Почему так мало депутатов? Я же сказал: не стесняться, звать всех, кто на экране мелькает. Почему спортсменов нет? Олимпийцев надо позвать, человек пять как минимум. Я же тебе давал список с телефонами.

– Вася, а мы с ними знакомы? Я имею в виду себя и невесту с женихом.

– Да какая разница? Прочтут приглашения – сразу примчатся! Это ж светское мероприятие такого уровня! А почему телевизионщиков нет? Малахов, Эрнст, Познера можно позвать!

– Зачем?

– Чтобы в прессе освещенность была. Не абы за кого выходим – за английского маркиза!

– Василий! Одумайся! – Юлия поднялась с пола и глубоко втянула в себя воздух, готовясь к долгой и нелегкой обороне. – Свадьба – это семейное торжество, и толпы посторонних людей нам ни к чему. Особенно жениху с невестой. Они сразу об этом сказали. Особенно Джордж.

– Я не знаю, чего там хочет ваш Джордж, может, у нищих английских лордов на нормальную свадьбу ни денег, ни фантазии не хватает, но даже какой-то Плющенко, всего-то навсего фигурист, и то за свадьбу два с половиной миллиона выложил. Да что мне этот Плющенко? Ты помнишь, во что свадьба Мельниченко обошлась? Сорок лимонов! Вот это размах! Так о нем все мировая пресса больше года взахлеб писала, до сих пор забыть не могут. Вот на кого равняться надо! – Василий, багряный, как закатное солнце, носился по гостиной.

– Ну, по некоторым источникам, реальная стоимость его свадьбы составляет всего четырнадцать миллионов. Это раз. Во-вторых, такой разгул в мировом сообществе считается варварством. Вот Мадонне, например, свадьба с Гаем Ричи обошлась всего в три миллиона, а чета Бэкхемов отделилась двумя.

– Подумаешь, миллиардеры нашлись! – презрительно фыркнул Василий.

– Зато мы заполучили Алена Дюкасса, это известнейший в мире кулинар, он обслуживал свадьбу твоего дорогого Мельниченко. – Лицо Василия несколько смягчилось. – К тому же нам не надо арендовать зал или виллу. Замок Хантли – один из древнейших и красивейших в

Англии и Шотландии. И ни у кого другого в мире нет и не будет возможности отпраздновать там свадьбу, – с легкостью парировала Юлия, ибо тоже не теряла зря времени и навела кое-какие справки, предвидя этот всплеск амбиций.

– Ладно, с поваром все в порядке. А петь на свадьбе кто будет?

– Кажется, какой-то шотландский фольклорный ансамбль, знаешь, килты, волынки, очень колоритно.

– Вы что, опозорить меня хотите? У меня дочь выходит замуж, – на этой фразе Юлия расплылась в глупой неуместной улыбке, поскольку Василий действительно полюбил ее детей как родных, что, согласитесь, нечасто случается, – а вы какую-то самодеятельность пригласили!

– Успокойся, это невероятно знаменитый ансамбль.

– И речи быть не может. Только на разогреве!

– А ты чего хотел? Ансамбль песни и пляски Советской Армии?

Юлия брякнула и тут же представила: сорок дюжих молодцов в военной форме горланят под грохот барабанов и литавр. Легко представить реакцию гостей, когда во время церемонии под замковыми сводами они грянут «Калинка, малинка, малинка моя...». Она приготовилась захохотать, но случайно бросила взгляд на Василия и осеклась.

– А что, – не спеша проговорил Василий. – В этом что-то есть. Сколько помню, у них дирижер такой представительный, весь в наградах. А как звучат? – Его голос становился громче и решительнее. – А форма? А!

– Василий, ты спятил! Англичане решат, что это экспансия, и вызовут войска! Нам не нужен международный конфликт.

В итоге горячих многочасовых дебатов обеим сторонам пришлось пойти на уступки. Количество и состав гостей не изменились. Представители английской прессы, на которых настаивал Василий, приглашены не были, российской также. Но зато, по настоянию Василия, для развлечения гостей были ангажированы Рене Флеминг, «золотой стандарт сопрано», и всемирно известный тенор Андреа Бочелли. Только их гонорары заставили Василия отказаться от дикой необдуманной шутки жены по поводу ансамбля Советской Армии. Больше она себе шуток по поводу свадьбы не позволяла. На этот экстравагантный выбор жаждущий потратиться олигарх согласился лишь после того, как убедился, что они пели на свадьбе князя Монако, а заодно уж пригласили и Сару Брайтман по Юлиной личной просьбе – гулять так гулять. Присутствие звезд значительно удорожило торжество и пролилось целебным бальзамом на душу господина Ползунова. Конечно, ему хотелось пригласить кого-то более модного и попсового, но Джордж построил такую жалостную физиономию по скайпу, что Василий смирился с выбором молодых. Хотя, судя по блеску, который Юлия заметила в глазах Вероники, она бы не отказалась от Кристины Агилеры.

Их с Василием дочурке Маруське нет еще и годика, но теперь Юлия начала с ужасом ждать дня ее свадьбы, уж тогда Василия ничто не удержит от безумства.

Но все хлопоты и споры уже остались позади, и от дня свадьбы семейство отделяла неделя, которую они должны были провести в замке Хантли, наслаждаясь жизнью традиционного загородного поместья.

Насладились.

На этом Юлия погрузилась в долгие безутешные рыдания.

Глава 7

17 июня. Узница

Вероника потянулась, улыбнулась слепящему сквозь закрытые веки солнцу и повернулась, чтобы обнять Джорджа, но потом вспомнила, что в замке они спят в разных комнатах. Разочарованно вздохнула и открыла глаза.

Шок, который девушка испытала, был, наверное, еще более острым, чем тот, который ей довелось пережить вчера.

Когда начался этот кошмар, поток мыслей словно замедлился, застыл, стараясь уберечь ее психику от неминуемой травмы. Мысли текли словно во сне. Но сегодня сомнений в реальности происходящего уже не было.

Она встала и умыла лицо холодной водой. Сегодня Веронике хотелось иметь ясную, свежую голову. Теперь она ей понадобится.

– Господи, какой ужас! – Ника села на кровать, обхватив руками голову.

Как же все это случилось? Что ей теперь делать? В Англии смертная казнь есть?

– Тьфу ты! Какая глупость! – отогнала она от себя дикие беспорядочные мысли, толкущиеся в несчастной обезумевшей голове. – Какая казнь, я ни в чем не виновата!

Ника похлопала себя по щекам, чтобы вернуть чувство реальности.

«Вчера же должны были приехать родители», – вспыхнула в ее голове первая светлая позитивная мысль. Теперь они вместе с Джорджем вытащат ее отсюда! Слава богу!

Тяжеленный пудовый камень упал с души, подарив чувство надежды и унеся прочь ощущение бесконечного вселенского одиночества, которое навалилось на Веронику в этих казенных стенах.

– Mamochka! Любимая! Уж они-то с Васиком все с ног на голову перевернут, но вытащат меня отсюда, – повторяла она на все лады, пока покой и некое подобие гармонии не воцарились в ее перепуганной насмерть душе.

Ника блаженно растянулась на койке, глядя в белый скучный потолок. Странно, что они вчера еще не объявились. Могли бы прийти повидаться. Она перевернулась на бок. С другой стороны, Англия – это вам не Россия. Связей у них здесь никаких нет, а ей, как подследственной, встречи с родственниками, наверное, не положены. У Джорджа наверняка и то возможностей больше. Скорее всего, он уже хлопочет о ее освобождении. На сердце сразу стало тепло. Вчера у него, конечно, был шок от всего случившегося. Убили мать, да еще таким зверским способом! Но сегодня он наверняка уже оправился и что-то предпринимает, к тому же мама с Васей приехали. Только бы он спровадил из дома эту мерзкую ораву, Бредфордов. Впрочем, Чарльз с папашей не так уж плохи. Чарльз шалопай, конечно, но не вредный. Зато сестрица с мамашей те еще гарпии, так и смотрят, как бы из тебя кусок мяса вырвать. А уж как перед Эстер хвостами виляли, спали небось и видели, как она на них завещание переписывает. Да хоть бы они подавились ее деньгами, им с Джорджем своих хватит. Ника сердито шмыгнула носом и снова перевернулась на спину.

Время тянулось ужасно медленно, как-то незаметно прошли завтрак и обед. А она все лежала и лежала на своей тюремной кровати и ждала, когда родители заберут ее отсюда.

Вот так же она когда-то в детстве лежала в больнице с аппендицитом. Ей было пять лет. Родителей почему-то не пускали, и она лежала целыми днями и ждала, когда же ее заберут из этого ужасного места, где так больно и страшно.

Мысли бродили по кругу, возвращаясь к одному и тому же. Устав от ожидания, Ника стала думать о противном семействе Бредфорд, раздражение, тут же появившееся, ее немного

подбодрило. А может, это они и грохнули Эстер, пришла вдруг Веронике в голову неожиданная мысль, и она подскочила на кровати.

– Елки-палки! Я же видела, как Эстер с сестрой поругались вчера утром, кажется, леди Кэрлайн клянчила у нее деньги, и, судя по всему, нужны они ей были позарез. Так, где была семейка во время убийства? А кто их знает, где они были. Полиция этим не сильно интересовалась. Их вообще, кроме меня, никто не интересовал! Негодяи!

Вероника вскочила с кровати и забежала по камере. Здесь, в Англии, особенно в этой проклятой деревне и в замке, она чувствовала себя бесправным узбекским гастарбайтером. И никому не было дела до ее образования, успехов, воспитания, манер и состояния. Для них она была чуть ли не беженкой из нищеты, дикой России, и все. Это так несправедливо! Если бы не Мардж, Ника бы, наверное, плюнула на все и сбежала в Лондон. Пожениться можно и там, и пусть потом Джордж выбирает: либо они живут в поместье, либо его гадкая мамаша. А прислугу всю немедленно расчитать! Накопившиеся за последнюю неделю обиды так и кипели в девушке.

С тех пор как они приехали в Хантли, все было просто ужасно! А ведь она так радовалась, так ждала свадьбы, так готовилась! Ей так хотелось понравиться этой жабе, леди Эстер, но той, кажется, приятнее было породниться с гадюкой при условии, что она родилась на замковых болотах, чем с Никой.

А экономка? Эта сушеная двухметровая вобла презирала девушку ничуть не меньше хозяйки. А остальные? То прибор за обедом забудут положить, то туалетную бумагу в ванную комнату, чтобы Ника потом бегала по замку и унижалась. А этот проклятый звонок вызова прислуги?

«Извините, мисс, должно быть, он сломался». «Ах, должно быть, никого не было в людской. Извините, мисс, у Кайлы болит ухо, она еле слышит, бедняжка». И прочее в том же духе со сладкой издевкой на лице.

А комната? Когда они приехали, выяснилось, что эта мерзавка, будущая Вероникина свекровь, приказала подготовить ей комнату на чердаке, там раньше, лет сто назад, квартировал учитель танцев, которого нанимали для господских детей. Нет, Джордж, конечно, настоял, чтобы ей немедленно подготовили угловую спальню с окнами в сад, раньше она принадлежала его бабушке, двадцать седьмой маркизе Хантли. И мисс Пейн, поджав губы, все выполнила, но как это было мерзко! Мардж почему-то сразу выделили лучшую из гостевых спален и кланялись ей в пояс, чуть ноги не лизали.

Лицемеры! А сами и ее не выносят. Ника слышала, как леди Эстер, разговаривая с экономкой, жаловалась, что мало ей русской интриганки, так еще эту рыжую вертихвостку придется терпеть. А еще она говорила, что в детстве все были уверены, что Джордж женится на Мардж, так он был в нее влюблен. Эти подробности настроения Нике тоже не подняли. Да и Джордж хорош! Мамочка! Мамочка! Его будущую жену, можно сказать, с грязью мешают, а он только: «Потерпи, дорогая, после свадьбы все уладится». Мужик называется.

Веронике вдруг не к месту вспомнились все те обидные мелочи и ссоры, которые произошли у них за последние несколько дней. Ей даже стало казаться, что любовь вдруг исчезла. Растаяла, как только они переступили порог Хантли-холла.

Джордж словно отстранился от нее. Постоянно какие-то заботы, вечные поездки «по делам». А она сидит одна в замке с этой старой ведьмой, его мамашей.

А чего стоил званый ужин, который был устроен в честь приезда лорда Хантли, про Нику и их с Джорджем свадьбу никто и не вспомнил бы, если бы не гости?

Ее посадили в самом конце стола, между каким-то старым маразматиком, глухим на оба уха, и приходским священником. Джордж корчил со своего места такие жалостные лица в духе «прости, дорогая, это ужасная ошибка, но при гостях ее исправить невозможно». Когда же кто-то из гостей полюбопытствовал, когда они смогут познакомиться с его очаровательной

невестой и почему она до сих пор не приехала в Хантли, надо было видеть выражение лица леди Эстер. Она-то, наверное, надеялась, что Ника стыдливо промолчит, залившись алым цветом, но не тут-то было. Ника встала и всем представилась, пусть потом объясняются по поводу такого пренебрежения к будущим родственникам. Так Джордж извертелся весь, объясняя, что Лесли – это их экономка —допустила ужасную промашку, разложив неправильно карточки за столом. Лесли, случившаяся тут же, просто посинела от возмущения, да деваться некуда, пришлось молчать!

В остаток вечера Ника перетянула все внимание гостей на себя и их с Джорджем свадьбу, заставив эту провинциальную элиту закатывать глаза и щелкать языком. Правда, леди Эстер попробовала укусить будущую невестку во время подачи первого блюда, просюсюкав со своего конца стола:

– Дорогая, надеюсь, вы не скучаете по русской кухне в Шотландии? Как же называется этот странный красный суп? Борстч, кажется?

– О нет, леди Эстер. Хотя хаггис и не столь изыскан, как борщ, о котором вы упоминали, но русская кухня во многом схожа с шотландской. Например, соленые огурцы и селедка с картошечкой у нас почитаются исконно русскими блюдами.

Дальнейшая беседа велась исключительно о сходстве и различии национальных кухонь, и Ника, естественно, оказалась в центре внимания, а Эстер буквально дымилась от злости.

Хотя маркиза посчиталась с ней позднее, когда пролила красное вино на платье от Версаче, в отместку пришлось переодеться в сногшибательное платье от «Дольче и Габбана», ярко-бирюзовое, с оригинальным декольте, дополнив его бриллиантовым колье от «Картье», которое Васик подарил Нике по случаю помолвки. Дамы пожирали его взглядами, а леди Эстер только молча скрипела зубами. Хотя маркиза и попробовала сделать ответный ход в духе «конечно, такая роскошь несколько вульгарна, но что возьмешь с бедной безродной девочки», но ее демарш полностью провалился.

Зато Ника изловчилась подменить персиковое пирожное на тарелке леди Эстер на апельсиновое. Когда та поняла, что ест, было уже поздно! Красная сыпь уже украсила блеклые щеки маркизы и зверски зудела, пришлось старушке покинуть вечер, который закончился полным Никиным триумфом. Разъезжаясь по домам, все только и говорили о ее восхитительной игре и музыкальном вкусе. Предвидя трудности в общении со свекровью, еще в Лондоне Вероника разучила отрывок из Шотландской симфонии Мендельсона и отрывок из фортепьянного концерта Маккензи, последний был основателем Шотландской консерватории, дабы однажды вечером порадовать леди Эстер. Труды ее не пропали даром, и надежды на то, что она не будет принята в местном обществе, которые питала леди Эстер, не сбылись.

Вот в таких милых, незатейливых развлечениях проходила Вероникина жизнь в замке.

Эти семейные радости так измотали будущую маркизу, что Ника едва не разорвала их с Джорджем помолвку. Спасло лишь то, что буквально накануне Нике случилось подслушать их с матерью разговор.

Леди Эстер категорически потребовала от Джорджа разорвать помолвку и отменить свадьбу, пригрозив лишить наследства, оставив все Бредфордам, но Джордж проявил похвальную твердость, сказав, что хоть и любит мать и дорожит ее мнением, но никакие деньги не заставят его отказаться от Вероники. После этого он поцеловал леди Эстер руку и, гордо подняв голову, вышел из кабинета, провожаемый такими междометиями, каких сложно было ожидать от шотландской маркизы.

А после завтрака преподнес Нике в подарок охотничью лошадь, чем окончательно растопил лед в ее сердце.

А на следующий день пристукнули маркизу. Что лично Веронике, учитывая приятность характера ее несостоявшейся свекрови, удивительным не показалось. Удивляет другое. При чем тут она? Этот вопрос крутился в ее голове как карусель – снова и снова.

Незаметно Вероника задремала, тяжелый, глубокий сон захватил ее, и она до утра металась на казенном матрасе, так и не раздевшись, а утром проснулась измотанная и несчастная. Вялость и апатия полностью поглотили ее, она лежала, почти не двигаясь, до тех пор, пока скрежет ключа в замке не помог ей встряхнуться. Она приподнялась на кровати.

– Мисс Осокина, к вам посетитель, – возвестил служитель тюрьмы, и Нику, едва успевшую пригладить волосы, вывели из камеры.

Глава 8

17 июня, утро. Джордж

Джордж стоял в гостиной второго этажа, прислонившись лбом к прохладному стеклу, не отрывая темных, наполненных ужасом глаз от геометрически правильных садовых дорожек. Его сильные длинные пальцы впились в стекло с отчаянием безысходности. С того самого момента, как он впервые увидел лежащую на садовой дорожке мать с остановившимися глазами и залитым кровью лицом, видение ни на секунду не покидало его. Ни во сне, ни наяву. Он боялся спать. Кровавое пятно, расплывшееся по ее лицу, заслоняло собой весь свет.

Он, Джордж Гордон, маркиз Хантли, считавший себя вполне уравновешенным, здравомыслящим человеком, уподобился истеричной горничной, кухарке, какой-нибудь миссис Хокинз.

Именно так. Поскольку всегда считал, что людям его круга подобные слабости недоступны, противоестественны. Поколения, воспитанные в строгих рамках условностей, правил, воли, разума, чести, сознания собственной незаурядности, уже давно изжили все природные, натуральные чувства, и их проявления сродни животным страхам, видениям и простонародной впечатлительности.

Но нет. Мистический ужас захватил Джорджа полностью, потрясение от смерти матери пробудило в нем глубинные, неведомые ему самому пласты его натуры. Спокойная, размеренная, полная удовольствий и красоты жизнь вдруг раскололась под ударом старой садовой тляпки, выпустив наружу примитивные, недостойные, низменные страхи и чувства.

Джордж со стоном попробовал оторваться от стекла, помогая себе в этом намерении, стукнул по нему кулаком так, что стекло зазвенело, вибрируя и грозя обрушиться на него миллионом мелких острых осколков. Это напугало его, он отдернул руки, глядя с испугом на холеные белые ладони, словно боясь увидеть их израненными, кровоточащими, такими, как ее голова.

Джордж взвыл, точно раненый зверь, силясь справиться с собой и пугаясь собственной слабости. Потом оглянулся пугливо и затравленно, словно опасаясь непрошенных свидетелей, резко развернулся и бросился прочь из гостиной.

Почти вбежав в кабинет, Джордж сейчас же налил себе стакан виски и выпил его жадными большими глотками, после чего обессиленно повалился в кресло.

Алкоголь не помогал. Он мутит разум, но не избавляет от кошмаров.

Джордж снова вскочил. Страстное желание избавиться от видения душило его. Он треснул кулаком по столу, потом еще и еще.

– Ты должен быть в тюрьме! Она там! Одна! Она ждет тебя! Вероника! Твоя невеста! – Каждое слово сопровождалось крепким, гулким ударом кулака по столешнице, словно, вбивая слова в твердую дубовую поверхность, он рассчитывал впечатать их в свою голову. – Тряпка! Тряпка! Тряпка!

Он стучал до боли, пока рука не начала неметь, а потом вдруг остановился, как-то неловко сполз по столу на пол и замер, прижавшись головой к его резной ножке.

Потом встал, медленно, удивительно спокойно окинул равнодушным взглядом кабинет и вышел.

Поднявшись к себе, он вызвал Тафта и велел собрать дорожную сумку, предупредив, что уедет на несколько дней. Потом сел на край кровати и замер в безмолвном отчаянии, но уже не бурном и мучительном, а пассивном, примирившемся.

Марджори влетела к нему с выражением злого укора на лице.

– Куда-то собрался?

– В Дублин.

– А Вероника?

Джордж взглянул на нее сухими, лишенными эмоций глазами.

– Мне надо спасти свой рассудок. Я хочу похоронить мать. – Голос Джорджа звучал как шелест газеты. – Когда она упокоится с миром, мне станет легче.

– Может, тогда кремация и прах развеять? – с какой-то неприятной язвительностью, зло спросила Мардж.

Резкий звон пощечины разорвал тишину комнаты.

Она тут же вскинула на него вспыхнувший взгляд, но, встретившись с глазами Джорджа, шагнула к нему и крепко прижала его голову к своему животу.

– Прости! Прости, пожалуйста! – Она гладила его по голове с нежностью и раскаянием.

Джордж поднял на подругу по-собачьи тоскливые, какие-то одичалые глаза и проговорил:

– Вчера я ясно сказал, что считаю Нику невиновной. Что это ошибка. Значит, она вскоре разъяснится. Ее отпустят завтра. В крайнем случае послезавтра. Когда я вернусь, я все ей объясню. Она поймет. Должна понять! Ника жива. Она здорова. Да, ей одиноко, наверное, страшно. Но я не могу. Не сейчас!

Вошел Тафт и доложил, что багаж в машине.

Джордж поднялся, поцеловал Мардж в щеку и тихо вышел, словно боялся лишнего шума.

Губы Мардж сжались в кривую недовольную линию.

«Бросил меня одну в этом склепе, наполненном страхом и ненавистью. Ладно. Таков долг дружбы. А долги надо отдавать, и лучше самому, а то заставят».

Мардж встряхнулась, сбрасывая с себя неприятные путы недавнего разговора, и обычной решительной легкой походкой вышла из комнаты.

Глава 9

17 июня. Уныние и безысходность

– Юль, я стараюсь. Но у них в Шотландии, оказывается, все свое – и полиция, и суды, и адвокаты. Кручусь как могу. Что зятек, еще не выгоняет на улицу?

– Нет. Я его почти не вижу и не слышу. А сегодня он, кажется, вообще уехал куда-то. Такое впечатление, что на несколько дней. Мне никто ничего не говорит, да и вообще со мной никто не разговаривает, кроме Мардж. Родственнички Джорджа готовы ее с потрохами съесть, но с нее как с гуся вода. К тому же она герцогиня, с ней так, как со мной, они себя вести не могут. Единственный человек, кто радуется моему обществу, – это Бани.

– Кто?

– Да какая-то дальняя родственница Джорджа. Баронесса Сент-Джон оф Безинг. Ей уже под сто. Ее близкие давно умерли, денег у нее нет, и она кочует по многочисленным родственникам. Милая старушка. – Юлия усмехнулась, вспомнив пожилую леди. – Каждый вечер обыгрывает меня в покер. Она почти слепая, еле слышит и ничего не соображает. Как ей это удается, уму непостижимо! Вчера обчистила меня на триста фунтов.

– Ладно, держись. Я постараюсь дня через три вернуться. Если получится – через два. Если бы не эта газетная шумиха, я бы уже давно все уладил. А теперь вообще неизвестно, согласятся они ее выпустить, пока следствие не закончено, или нет. Маруську поцелуй, скажи, папочка очень скучает. Как Эбби, справляется?

Первым Юлиным порывом было наябедничать Василию на няню, но потом она решила, что у него и так забот хватает.

– Нормально. Кажется, они сейчас с Масиком пошли лошадок смотреть.

Василий отключился.

Вчера вечером к Юлии зашла мисс Брайант и, покрывшись неровными красными пятнами, попросила расчет. Причина столь срочного увольнения была выбрана самая невинная. У ее кузины родился малыш, они остро нуждаются в ее помощи. Но, насколько Юлии было известно, вся семья мисс Эбигаль Брайант имела весьма скромный достаток, и жалование, которое ей платил Василий, было им не по карману, а в родственную благотворительность себе в убыток она не верила. К тому же Эбби была не склонна к вранью и сейчас испытывала сильнейшие муки, вынужденная нести эту чушь. И все же ее было не жаль. Крысы никогда не вызывали у Юлии симпатии, и она бы с удовольствием отпустила няньку немедленно, но, увы, в данный момент поиск новой няни был слишком нехотено, а в свете сегодняшних новостей найти ее на Британских островах становилось делом практически невыполнимым.

Поэтому Юлия убедила Эбби остаться как минимум на три недели, после чего она сможет покинуть семейство Ползуновых, если таково будет ее желание. В противном случае Юлия пригрозила наябедничать на мисс Брайант в агентство по найму и не дать положительных рекомендаций. Впрочем, последние ей, вероятно, не нужны. Семейство Ползуновых в Англии теперь на положении прокаженных. Поэтому-то мисс Брайант и стремилась так поспешно с ним распрощаться. Ей было нестерпимо ловить на себе косые взгляды здешней прислуги, порочная тень падала и на нее, марая честное имя английской няни. Юлия горько усмехнулась.

В дверь тихо постучали.

– Войдите. – Кому пришла в голову отчаянная мысль посетить ее зачумленную келью, подумала Юлия, взглянув на дверь.

– Что делаешь? – В приоткрытую дверь протиснулась рыжая кудрявая голова.

– Заходи, присаживайся.

Мардж в узких светлых брюках и голубом джемпере, своеобразно сочетающемся с ярко-рыжим цветом волос, проскользнула в комнату. Складывалось впечатление, что она опасается быть застигнутой этим неблагоприятным поступком.

Усевшись рядом с Юлией на небольшую кушетку в оконной нише, закинула ногу на ногу и, спросив разрешения, закурила небольшую тоненькую папироску.

– Ну как ты? – заботливо спросила она, кладя Юлии на плечо свою тонкую, узкую ладонь.

– Для изгоя – неплохо, – усмехнулась Юлия.

– Не преувеличивай. Бредфорды – не весь белый свет.

– Ну, да. А еще прислуга, и даже Джордж, меня избегает. Знаешь, мне кажется, он тоже считает Веронику виновной.

– Не говори чепухи! – энергично возмутилась Мардж.

– Тогда почему он ни разу не поинтересовался, как она? Не попытался вытащить ее из тюрьмы? Не заявил во всеулышание, что не верит в ее виновность.

Мардж задумчиво смотрела в окно на раскачивающиеся на ветру кроны старых лохматых кленов. Кажется, Юлия попала в точку.

– Джордж куда-то уехал? – она первой нарушила молчание.

– Да. Он поехал в Эдинбург на несколько дней. Полиция отказывается до окончания следствия выдавать тело Эстер для погребения. Он хочет что-то предпринять. – Мардж грустно покачала головой. – Джордж последние дни сам не свой. Его постоянно мучают кошмары. Он почти не спит. Ему без конца снится мать, лежащая в полицейском морге среди бродяг и прочих отбросов с биркой на ноге. – Она помолчала, а потом, взглянув Юлии в глаза, проговорила медленно, словно только что нашла это объяснение: – Я не эксперт по России, но кажется, что жизнь в вашей стране не сахар, и тебе за всю жизнь выпало немало стрессов и испытаний. – Юлия молча кивнула в ответ, не понимая, к чему она клонит. – А Джордж и я – мы вели жизнь безопасную, лишенную бед и волнений, защищенные деньгами и титулами наших семей. Жизнь, в которой сломанная клюшка для гольфа или поцарапанный каблук кажутся вселенской трагедией. Мы избалованны, мягкотелы. И истинная трагедия, произошедшая на глазах у Джорджа, просто выбила у него почву из-под ног. Он не просто лишился матери, в конце концов, все мы смертны, и смерть – это естественный финал жизни. Она была убита в собственном саду, среди бела дня, садовой тяпкой. Вид ее окровавленной, раскроенной головы преследует его днем и ночью. Джордж никогда не пил, но вчера он здорово набрался, надеялся, это поможет ему забыться, но стало только хуже. Похмелье и все такое... – Она неопределенно взмахнула в воздухе холеной ручкой.

– Бедный мальчик! – Юлии стало искренне жаль Джорджа, эти дни она как-то мало задумывалась о глубине его чувств.

– Я знаю его с раннего детства, когда-то нас даже дразнили женихом и невестой, он был безумно влюблен в меня лет в пять-шесть, и хотя между ним и матерью не было слишком близких отношений, но я прекрасно знаю, как много она для него значила. Его решение жениться на Нике было единственным случаем на моей памяти, когда он пошел наперекор ее воле. Если не считать детских шалостей и его пристрастия к розовым галстукам. – Мардж слегка усмехнулась.

Теперь ситуация предстала перед Юлией в другом свете.

– Он сожалеет о своем своеволии, казнит себя, что не послушался матери и решил жениться на Нике?

– Нет. Он любит Нику и считает, что выбор жены – его личное дело, но проблема в том, что накануне у них с Эстер был тяжелый разговор, и это его гложет. А что касается Ники? По-моему, он не до конца понимает, что происходит. В его голове сидит полная уверенность, что все это недоразумение, которое вот-вот рассосется само по себе, и, поскольку Веронике ничто не угрожает, волноваться не из-за чего. Он свято верит, что ее не сегодня завтра выпу-

стоят с извинениями. – Мардж пожала плечами, словно извиняясь за чрезмерную наивность Джорджа. – Его гораздо больше волнуют похороны и их с Эстер последний разговор.

Юлия согласно покивала головой. Но все же...

– Послушай, я искренне сочувствую его горю, но, скорбя о мертвых, нельзя же о живых забывать! Он что, считает обвинение в убийстве чем-то вроде штрафа за неправильную парковку? Он хоть раз задумался о том, что она чувствует, сидя в тюрьме одна, без друзей и адвоката? Адвоката он хотя бы мог ей найти?

– Джулия, – Мардж взяла ее за руку, – я просто попыталась объяснить тебе мотивы его поступков, как специалист. Поверь дипломированному психологу. А не оправдывать его бездействие или неумение собраться в критическую минуту. Думаю, вернувшись из Эдинбурга, он придет в себя. И еще. – Она нерешительно достала свернутую в рулон газету, которую прятала от Юлии во время всего разговора. – Думаю, лучше тебе это узнать от меня. – Она развернула ее, на первой полосе красовался заголовок «Британская маркиза убита членом русской мафии. Двадцатилетняя беженка из России едва не стала двадцать девятой маркизой Хантли».

– Я уже знаю. – Юлия повертела в руках газету с фотографией замка, вероятно, срочно выуженной из газетных архивов. – Джордж это видел?

– Нет. Честно говоря, я не без умысла позволила ему отбыть в Эдинбург, отсюда подальше. Скоро здесь появятся газетчики и будут повсюду шнырять, так что носа из замка не высунешь. Джорджу лишние стрессы ни к чему.

– Извини. Весь этот ужас... – Юлия бессильно развела руками. – Кто сообщил им? – Она потрясла газетой. – Кому это понадобилось?

– Вероятно, полиции. – Мардж пожала плечами. – Они должны отчитываться в успешном раскрытии преступлений перед обывателями, а тут такое, казалось бы, простенькое и эффективное дело.

– Неужели нельзя их не пускать?

– Думаю, вряд ли. Поместье большое, где-нибудь, да пролезут. К тому же в отсутствие Джорджа некому с ними бороться. Мисс Пейн распорядилась закрыть въездные ворота, но я не уверена, что это нас уберезет.

Она встала и, ободряюще улыбнувшись, вышла.

Юлия сидела понурившись, глядя на газету. Этого еще им не хватало для полного счастья. Интересно, кто сообщил об этом деле прессе?

Она беседовала и с инспектором, ведущим это дело, и с начальником местной полиции. Они не произвели на Юлию впечатления любителей сенсаций. Это были скучные, заурядные люди, привыкшие добросовестно, но весьма рутинно подходить к своей работе. Их не привлекали слава и шумиха, им нравились покой и респектабельность. Мелкие несложные дела, простые и скучные, были милее их сердцу, нежели великосветские скандальные убийства.

«Мало нам было неприятностей, теперь еще и это. Все английское общественное мнение ополчится на нас», Юлия тяжело вздохнула, словно у нее на груди был свинцовый нагрудник, какие надевают в рентгеновских кабинетах.

«Нет. Это дело других рук, – неспешно размышляла она, глядя на скачущие по земле под окнами солнечные пятна, пробивающиеся сквозь густую свежую листву деревьев. – Скорее уж тут Бредфорды поработали. Решили опозорить нас на весь белый свет и выжить меня из замка. – Юлия злобно взглянула на стены и потолок, за которыми шныряли мерзкие интриганы. – А может, они хотят поскорее закрыть это дельце и приступить к дележу наследства? А может, они ее и пришили? С другой стороны, возможно, она им ничего и не оставляла, или у них своих денег хватает. К тому же, если подумать, такая известность их семье ни к чему. Все в обществе будут коситься на них и тыкать пальцем. Это не та слава, которой жаждет благовоспитанное семейство. Им от нее неприятностей больше, чем удовольствия». Юлия задумчиво нахмурилась.

Уж скорее это дело рук прислуги. Продали жареную новость за хорошие деньги и сидят теперь в ожидании продолжения «банкета». Упыри шотландские. Устроили на них травлю. И так все время приходится в своей комнате сидеть, чтобы спину злобными взглядами не сверлили. Юлия встала и раздраженно прошлась из угла в угол.

– Неизвестно, кто эту Эстер убил, а бедный ребенок должен ни за что в тюрьме сидеть, я тут хожу по темным углам, боюсь лишний раз из комнаты выйти. Нянька только и мечтает, как бы от нас сбежать. Маруська, бедный ребенок, из комнаты почти не выходит, по самым глухим закоулкам парка гуляет, лишь бы на глаза никому не попадаться, – сердито проговорила она, глядя на собственное отражение в зеркале.

Отражение ей не понравилось. Бледное, осунувшееся лицо, кое-как причесанная, не уложенная голова. Съежившаяся, скукожившаяся. Жалкое зрелище.

И тут в Юлиной, отупевшей от всех этих ужасов, голове наметился первый проблеск сознания.

– А ведь и правда! Сколько неприятностей навалилось на нас из-за этого убийства, и ведь никому и дела до наших переживаний нет! Мы же еще и виноваты! – сердито заявила она зеркалу. – Я, как последняя идиотка, извиняюсь за свое присутствие в этом райском уголке. Нас в прессе помоями облили, я опять как дура извиняюсь! Ну, нет, голубчики! Хватит! Я вам покажу небо в алмазах! Вы меня век помнить будете! Я вам на смертном одре в кошмарах являться буду!

Боевой пыл, вспыхнув, разгорался в Юлии, как пламя в степи.

Глава 10

17 июня. Юлия начинает действовать

Юлия распахнула шкаф. Придирчиво оглядела гардероб, собранный ею для свадебных торжеств, и остановила выбор на элегантном брючном костюме от «Шанель»; бросив его на кровать, она занялась прической и макияжем.

– Парижский шик и элегантность будут нашим ответом их чопорности и высокомерию! – сообщила она зеркалу.

Решив, что просить у мерзавки Пейн, этой предводительницы горничных и лакеев, ключи от главных ворот бессмысленно, Юлия решила, что в крайнем случае сможет пообщаться с прессой и через кованое кружево ворот. Просунут камеры сквозь дыры и снимут. Она решительно ступила на подъездную аллею.

Шагать на каблуках по гравию – то еще удовольствие, но спину Юлия держала прямо, а ногам запретила подворачиваться, вдруг наиболее пронырливые корреспонденты уже оккупировали ближайшие заросли и ведут съемку.

Да здравствует свободная пресса! Добравшись до ворот, Юлия с удовлетворением насчитала троих фотографов и одного телевизионщика. При ее приближении они оставили свои занятия и принялись с любопытством смотреть на посланца осажденного замка.

Юлия их не разочаровала. Представившись по всей форме, она выразила желание дать развернутое интервью всем представителям прессы, которые соберутся здесь ровно через два часа, заодно порекомендовала им не терять времени даром, а попробовать прорваться на территорию, любезно сообщив, что парк большой и не везде огорожен. Дав напоследок несколько практических советов, Юлия удалилась, подтвердив свое намерение.

Спустя два часа она стояла среди цветущего сада на той самой аллее, где встретила свой конец двадцать восьмая маркиза Хантли, и с наслаждением вываливала прессе все прелести шотландского гостеприимства. Она с удовольствием поделилась с журналистами своим мнением о возмутительном бездействии местной полиции. За те два дня, что Юлия «наслаждалась» пребыванием в замке, ни один из полицейских не соизволил заняться расследованием и не появился на территории Хантли-холла, видно, решив пойти самым простым и нехлопотным путем, свалив все на юную, бесправную и ни в чем не повинную иностранку.

Заодно Юлия прошлась по возможным подозреваемым, перечислив всех гостей, которые находились в замке в момент убийства, и весь персонал, состоящий на службе. Поименно.

На протяжении всей пресс-конференции она спиной ощущала десяток «добрых» устремленных на нее взглядов. «Представляю, как они сейчас прячутся за занавесками», – злорадствовала в душе Юлия, фотографируясь на фоне замка. Десяток репортеров и тройка телевизионщиков, собравшиеся перед домом, чуть не выли от восторга, записывая ее «искренние, простодушные» ответы.

«Надеюсь, они донесут до читателей хотя бы крупицу сказанного мною в неискаженном виде», – подозрительно смотрела на них Юлия, пока они щелкали объективами. Во всяком случае, еще до начала пресс-конференции она самым тщательным образом записала имена журналистов, издания и каналы, которые они представляют. Собрала кучу визиток и на всякий случай посадила в кустах Эбби с видеокамерой, которая сняла из засады все происходящее – от начала встречи и до отбытия последнего журналиста. Если они обманут ее ожидания, Юлия всех засудит за клевету и вытряхнет из них столько денег, что хватит на покупку этого проклятого Хантли!

После окончания фотосессии, перед отбытием, журналисты запечатлели все, что смогли, в радиусе километра от места преступления. Юлия не спеша мстительно осмотрела каждое

окно, выходящее в сад. Несколько занавесок подозрительно шевельнулись, а в окне салона на втором этаже она с удивлением увидела Бани с огромным армейским биноклем в худеньких старческих ручках. Увидев, что на нее смотрят, старушка безмятежно улыбнулась и приветливо помахала Юлии рукой. От неожиданности Юлия помахала в ответ и двинулась к дому.

Боевой пыл ее еще не покинул. Во время встречи с журналистами Юлию посетила одна светлая идея. Если уж полиция не собирается искать истинного преступника, придется заняться этим самой!

Юлино появление в замковой кухне произвело впечатление разорвавшегося снаряда. Вся банда была в сборе – три горничные, два лакея, камердинер, кухарка, поваренок и, конечно, мисс Пейн. Они взирали на распахнувшуюся кухонную дверь, как на разверзшиеся адские врата, а на Юлию – как на порождение преисподней.

При виде Юлиного сверкающего холодным бешенством взгляда кухарка, пухленькая пожилая особа, странно охнула и села мимо стула. Худощавый прилизанный лакей, жевавший в момент Юлиного эффектного появления булку, подавился и страшно закашлялся, но ни одна живая душа не сделала попытки помочь ему. Горничная, стоявшая возле стола с чашкой чая, выронила ее прямо на голову сурового камердинера, тот завопил, промокая свою ошпаренную макушку углом сорванной им со стола скатерти. Юлия с чувством глубокого удовлетворения обзрела картину физического и морального разгрома, который она нанесла мерзкой шайке своих гонителей. И жестко взглянула в глаза замершей посреди кухни экономки. О чем они беседовали за секунду до ее вторжения, догадаться было несложно. Их испуганные лица говорили сами за себя.

– Где садовник, мисс Пейн? – громогласно спросила Юлия онемевшую экономку.

– В сторожке. Справа от главных ворот. За кустами сирени, – сглотнув застрявший в горле ком, выдохнула мисс Лесли.

Юлия с грохотом хлопнула кухонной дверью и, улыбнувшись испуганному «Ой!», раздававшемуся на кухне, покинула поле боя.

«И кому пришло в голову дать этому двухметровому крокодилу это романтическое имя», – думала Юлия об экономке, сбегая по ступеням крыльца.

Возможно, насчет двух метров Юлия преувеличила, на самом деле она вряд ли была выше ста семидесяти сантиметров, но прямая как палка спина, задранный тяжелый подбородок, залитая лаком до состояния рыцарского шлема пышная укладка на седой голове и сорок пятый размер обуви создавали впечатление чего-то монументального и внушительного. Такой представительной особе можно смело доверить бразды правления замком. Можно представить, в каких ежовых рукавицах она держит остальную челядь.

Садовника Юлия нашла возле сторожки, он сидел на солнышке перед крыльцом и не спеша разбирал мотор газонокосилки. Небольшое приземистое строение, служившее ему домом, навевало мысли о еще более глубокой древности, чем сам замок. Сложенное из серого тесаного камня, с заросшим темно-зеленым мхом фундаментом, густо увитое плющом, оно выглядело так колоритно, что Юлия залюбовалась этим тихим уголком, словно выпавшим из остального мира. Небольшие окошки с покосившимися темными от времени деревянными ставнями были распахнуты, наверное, в доме скапливается ужасная сырость, и хозяин пользуется каждым солнечным деньком, чтобы проветрить его. Под окнами стояли большие плоские ящики с расцветающими анютиными глазками, видимо, приготовленные к пересадке на клумбу. Юлия оторвалась от сказочного домика и обратила свой взгляд на его обитателя.

Высокий, крепкий, с широкими плечами, он сидел прямо на земле и не спеша отвинчивал очередную гайку, держа отвертку в большой мозолистой замасленной руке. В синем рабочем комбинезоне и перевернутой козырьком назад бейсболке он больше смахивал на автомеханика, чем на садовника. Но это было лишь первое впечатление.

Он поднял голову, чтобы положить на газету отвинченный шуруп, и увидел гостью. Раньше они не встречались, но, видимо, Юлин шикарный вид помог ему сделать вывод, что, скорее всего, она гостья замка. Садовник встал и неловко, слегка сутулясь, снял с головы кепку.

– Добрый день, мэ, – вежливо поздоровался он, неспешно растягивая слова, как человек, привыкший никуда не спешить.

– Добрый день. – Юлия дружески улыбнулась ему и протянула для пожатия руку. Кажется, это единственный в замке человек, отнесшийся к ней доброжелательно.

– Нет, нет, – смущенно замотал он головой, глядя на свои запачканные ладони. – Я вас только перемажу.

– Меня зовут Джулия, а вас? – решила Юлия подойти к вопросу постепенно.

– Джейкоб, мэ. Джейкоб Хейли. К вашим услугам. На похороны, должно быть, приехали? – простодушно спросил он, глядя на ее черный костюм.

– Нет, – грустно ответила Юлия, радуясь, что поленилась подняться наверх переодеться. – На свадьбу.

– Да, – покивал он своей круглой головой, увенчанной коротким ежиком седых волос. На вид Джейкобу было около шестидесяти, но чувствовалось, что он находится в хорошей форме. Физический труд на свежем воздухе помог ему сохранить и силу, и здоровье. – Уж как милорд к ней готовился! Я весь парк в порядок привел, в саду начал свежие цветы высаживать, розовые и белые, специально в честь невесты. Клумбу под их окнами обновил, и такое несчастье... – Он снова печально покачал головой.

– Джейкоб, мы не могли бы с вами присесть, я хотела бы спросить вас об одной вещи. Для меня это очень важно. – Юлия взглянула на него снизу вверх, почувствовав себя девчонкой рядом со взрослым, солидным дядей.

– Конечно, – удивленно согласился садовник, показывая на низенькую деревянную скамью под окном.

– Джейкоб, я мама той девушки, на которой хотел жениться лорд Хантли, – начала Юлия, осторожно подбирая формулировки. – Она сейчас арестована, а я в отчаянии от всего этого ужаса, который навалился на нас. – Юлия взглянула на него и вздохнула с облегчением. Во взгляде мистера Хейли не было ни ужаса, ни осуждения, ни праздного любопытства. Только сочувствие и понимание. – Меня еще не было в замке, когда все произошло, и мне не с кем поговорить об этом. Вы не могли бы рассказать, как случилось, что ваши инструменты в то утро остались без присмотра и почему виновной сочли мою дочь?

Джейкоб сидел, вертя в руках потертую, выгоревшую на солнце бейсболку, и с прищуром смотрел на серебрящуюся под солнцем траву.

– Такая суэта у нас тут творится последние десять дней. Пока маркиза не было, миледи никаких распоряжений не давала. Мы и не знали, что у нас свадьба предстоит, а потом все так завертелось. Что ни день – все машины, фургоны, то мебель привезут, то светильники, то доски какие-то, то материю для драпировок, и все в старый каминный зал. Милорд мне даже ключи вручил и велел всех встречать, следить за разгрузкой да помогать, если что нужно. Домашние-то все в замке заняты. Шутка ли – за две недели все парадные залы подготовить, стекла намыть, полы натереть, ковры вытряхнуть, каминны почистить. Да мало ли работы. А гостевые спальни? Едва поворачиваться успевали. Это мне кухарка рассказывала, когда я на той неделе заходил к ней на чашечку чая. У нее-то дел поменьше, ей на свадьбе не готовить. Повар специальный приедет, ему уже и плиту какую-то особенную доставили. Вот на меня это все и свалили. – Джейкоб вздохнул, покачал головой, чувствовалось, что он так же вот разговаривает и с цветами, высаживая их на клумбах, тихо, неспешно, покачивая головой. – А у меня и самого дел не меньше. Парк какой огромный! А подъездная аллея? Это ж все надо в порядок привести. А лужаек сколько? Вот и крутился как мог. В саду-то лучше с утра работать – дорожки подправить, песку подсыпать. Проредить, посадить. Вон вензель дома

Хантли совсем разлохматился, – махнул он рукой куда-то в сторону реки. – В то утро к нам как раз декораторы пожаловали – большой зал украшать. Ткани, вензеля, розетки какие-то. Это они мне все рассказали, пока инструменты и лестницы выгружали, а больше, говорят, сегодня никого не будет. Я и обрадовался. Они приехали – еще и девяти не было. Вот, думаю, хорошо, как раз вензеля на центральной аллее поправить успею. Гости наверняка после ужина прогуляться по саду пожелают, а я за свою работу краснеть не привык. Наш сад несколько раз национальные призы брал. Его фотографии в глянцевах журналах печатали. Леди Эстер на фоне цветников и просто сад. Его заложил в восемнадцатом веке сам великий Ланселот Браун по прозвищу Всемогущий Браун.

Чувствуя, что мистер Хейли оседлал любимого конька, который вряд ли доставит их к нужной точке, Юлия быстренько свернула его садоводческий экскурс, вернув беседу в нужное русло.

– Было около одиннадцати, когда позвонил милорд и попросил меня пойти к старой башне и Большому залу, – покладисто продолжил Джейкоб. – Ему показалось, что лужайка несколько скучновата, он хотел, чтобы я взглянул, нельзя ли что-нибудь сделать. Может, клумбу или вазоны? А что мне ходить? Я и так знаю, что никакой вазон там смотреться не будет, больно место особенное, а клумба? За неделю ничего хорошего не сделаешь. Да и не просто в таком месте клумбы разбить. – Джейкоб снова покачал головой. – Но милорд попросил, и я пошел. Сам он обещал подойти вскорости, только разговор какой-то закончит. И я пошел. Инструменты и тачку оставил. Думал, вернусь вскоре и еще успею правый край буквы Н подправить. Да... – Джейкоб снова помолчал. – А уж вернулся когда, там полиция была. Меня сразу к инспектору. Так, мол, и так, ваша тятка? Моя. А потом милорд велел мне идти к себе, а уж как вашу дочку арестовали, это мне потом Сара рассказала, кухарка наша. Я-то в доме редко бываю, может, раз в неделю, может, два. Мне там делать нечего. Так, зайду иногда чайку выпить да с Сарой поболтать, а больше нет.

– А сколько времени вы ждали милорда?

– Около часа, должно быть. Не меньше. Я все думал, а вдруг что получится с этой лужайкой, очень хотелось к свадьбе угодить.

– А декораторы все еще были в Большом зале?

– Они при мне на ланч уехали, как раз перед тем, как я решил в сад вернуться. Милорда все не было, видно, задержало что-то. Сам я ему звонить не решился, ну а он меня знает где искать. Если вдруг придет все же, позвонит, так я сразу и вернусь.

– Джейкоб, а ключи от Большого зала все еще у вас? – Юлии вдруг ужасно захотелось взглянуть на место, где должно было произойти такое важное для всех них событие.

– Да, вот. – Он достал из кармана огромную связку ключей, некоторые были очень большие и старые, необычных замысловатых форм. – Все не соберусь милорду отдать. Тут и от зала, и от ворот, и от башни, – он не спеша перебирал самые старые и необычные ключи, – а это вот от сарая с инструментами, от садовой калитки, от моего дома...

– Джейкоб, – прервала Юлия его неспешную инвентаризацию, – а вы не могли бы мне показать Большой зал?

Он понимающе кивнул:

– Конечно. Идемте. Там сейчас хорошо. Солнце заливает пол лучами, и на стенах играют блики от листвы. Он словно оживает в это время. – Джейкоб встал и надел свою потертую бейсболку. – Да, красивая была бы церемония. Волынки играли бы. Люблю волынку.

И они двинулись вверх по пологому склону. Каблуки утопали в мягкой земле, но это было даже приятно. Поднявшись к подножию старой круглой башни, повидавшей на своем веку не одну осаду и пережившую много славных сражений, они обогнули ее, пройдя еще немного, оказались перед древними парадными дверями замка – невысокой прямоугольной аркой с высоким, уходящим к самой крыше, резным каменным рельефом, украшенным гер-

бами рода Хантли. Джейкоб вставил большой, потемневший от времени ключ в скважину не менее древнего замка и, беззвучно повернув его, распахнул перед Юлией тяжелые двери.

Зал был огромным, похожим на древний собор. С высокими, уходящими в сумрак потолками, необычными эркерными окнами в самом верху и уникальным камином, украшенным гербом рода Хантли, относящимся к тысяча шестьсот шестому году.

Декораторы неплохо потрудились в зале. Расставленные в два ряда массивные скамьи из темного дерева были украшены лентами и сине-зелеными розетками цвета клана Гордонов. Простенки между окнами украшали огромные вышитые золотом стяги с древним гербом Шотландии и рода Хантли. И хотя в зале не хватало живых цветов, уже сейчас было видно, какой прекрасной, поистине сказочной могла бы стать эта свадьба.

В торце зала был возведен помост, на котором должна была свершиться сама церемония. Огромные напольные подсвечники украшали вход в зал, помост и место, отведенное музыкантам. Появление новобрачной должен был сопровождать неземной голос Рене Флеминг, а после свершения обряда свой голос к ней присоединил бы Андреа Бочелли.

От этих мыслей в носу у Юлии подозрительно защипало, а на глаза навернулись слезы. А через секунду она уже горько рыдала на груди мистера Хейли, а он гладил ее по спине своей огромной мозолистой ручищей, приговаривая слова утешения.

– Да, жизнь и смерть – родные сестры, нет одной без другой. Готовились к пиру, а будем справлять тризну, – тихо проговорил Джеймс, когда ее рыдания стали затихать.

Юлия почувствовала настоятельную потребность найти платок, но, увы, его не было. Тогда Джейкоб выудил у себя из-за пазухи огромный белоснежный платок, размером больше напоминающий простыню, и протянул ей.

– Не стоит так убиваться. Я верю в справедливость, – тихо говорил Джейкоб, скромно глядя в сторону, пока Юлия утирала мокрые красные щеки. – Вот иногда, говорят, преступник сам выдает себя, слишком уверовав в свой ум и удачу, теряет осторожность. Или какая-то случайность помогает раскрыть преступление. Но я думаю, это кара Божия, это он защищает невинных и воздает злодеям. А уж если по какой причине разбойник и уйдет от наказания, тут уж берегись. Значит, Господь готовит ему более страшную расплату, может, в этой жизни, а может, в другой. Только я бы сильно молился на месте такого «счастливчика».

Хотя слова Джейкоба и не сняли тяжести с Юлиного сердца, но ей стало удивительно тепло от того, что в этом чужом, враждебном замке нашелся такой добрый и светлый человек. Он вдруг напомнил Юлии ее дедушку. Тот, как и Джейкоб, всю свою жизнь провел на природе, среди простых повседневных трудов. Он, как и Джейкоб, любил разговаривать с растениями и птицами, его философия была полна терпения и доброты. За всю свою жизнь, полную невзгод и лишений – коллективизация, голод, сталинские репрессии, война, снова чистки, смерть двоих детей и труд, тяжелый, изнуряющий, ежедневный труд, – он не сказал ни о ком плохого слова, никого не осудил, не пожелал зла. Он прожил долгую жизнь, дожив почти до ста лет, и умер тихо, просто уснул солнечным, летним днем, держа за руку любимую жену.

Заперев огромный гулкий зал, они снова спустились с холма и долго пили чай у Джейкоба в сторожке, сидя у окна за простым струганым столом, таким же старым, как и дом и огромный камин в углу, сложенный из простых серых камней. Юлии было очень уютно с Джейкобом, она просто соскучилась по доброжелательным искренним людям, сидя на холме в этом аристократическом паучатнике. «Надо будет прислать сюда Маруську с Эбби, хватит им слоняться по окраинам парка, у Джейкоба им наверняка понравится», – думала она, глядя, как на лужайке под окном тощий, облезлый кот пытается схватить лапами порхающую перед его носом бабочку», – Я бы и сама с удовольствием сюда переселилась, – с грустью подумала Юлия.

Глава 11

17 июня. Планы и разговоры

Мардж, приоткрыв дверь малого кабинета, выглянула в коридор – в этом проклятом замке никогда не знаешь, кто прячется за дверью, так и снуют туда-сюда! Как она мечтала убраться отсюда поскорее! Ей до смерти надоели кислые, лживые лица леди Кэролайн и ее дочурки, а Чарльз с его неуместными идиотскими шутками? Да и старый лорд Бредфорд – то еще сокровище! А прислуга? Создается впечатление, что, пока стряпчий не огласит завещание леди Эстер, в котором им даны твердые указания исполнять свои обязанности, они так и будут отлынивать от работы. Мардж глубоко затянулась и, выпустив облачко дыма, постаралась взять себя в руки, тем более что выбора у нее нет. Бросить Джорджа одного просто невыносимо. Придется терпеть.

– Алло? – взяла она наконец в руки телефон и уселась с ногами в большое удобное кресло, стоящее у окна подальше от двери. – Ну, что, удалось что-нибудь предпринять?

Голос Джорджа, звучащий из трубки, был глухим и полным разочарования.

– Абсолютно ничего! Друзья отца либо уже в отставке, либо не в состоянии ничего сделать. – Он немного помолчал. – Мне пришла в голову одна мысль. А что, если обратиться в палату лордов?

Мардж молча закатила глаза к потолку:

– Джордж, я понимаю твоё горячее желание похоронить маркизу, но, мне кажется, у тебя есть более насущные проблемы. К тому же такие крайние меры начинают отдавать паранойей, – сказала она слегка раздраженным голосом.

– Между прочим, она моя мать! – тоном оскорбленного величия отозвался Джордж.

– Послушай, – чуть мягче проговорила Мардж, – я была полностью на твоей стороне, пока оставался хоть один реальный шанс чего-то добиться. Но теперь пора уже смириться с неизбежным и переключиться на более серьезные вопросы. Пока не случилось чего-нибудь действительно скверного.

– Что-то произошло? – Голос Джорджа мгновенно наполнился тревогой.

– Твоя невеста уже два дня сидит в тюрьме по обвинению в убийстве. Тебе не кажется, что пора выйти из состояния глубокой скорби и что-то предпринять? Ее отчим в Лондоне пытается повлиять на местную полицию, добиться ее освобождения.

– Как у него успехи? Что-то выходит? – встревоженно спросил Джордж.

– Нет. Мне не очень удобно обсуждать с Джулией эту тему, но, похоже, широкая огласка этого дела здорово все ему испортила. Сегодня утром я случайно слышала ее разговор с мужем. И в этой связи мне кажется, пора бы тебе и самому что-то предпринять, пока еще не поздно. Хотя бы нанять адвоката! Я говорила тебе это еще до отъезда. Твое бездействие просто непростительно. Сколько можно прятать голову в песок подобно страусу, надеясь, что все само рассосется? – настойчиво повторила Мардж. – В конце концов, у Вероники могут возникнуть сомнения: а так ли искренни твои чувства?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.